

Ирэн Весёлая

Измена. Седина в бороду — амнезия в ребро!



Измена.
Седина в бороду —
амнезия в ребро!

Ирэн Весёлая

Измена. Седина в бороду - Амнезия в ребро!

<https://litres.ru/74469178>

Аннотация

— Витя, что это? Это снимок УЗИ? — Анечка, успокойся, — муж обнимает меня, и я чувствую, как его руки дрожат. — Тебе показалось. Ты просто еще не до конца восстановилась после аварии. Доктор предупреждал о галлюцинациях... — Но мне сорок лет, Витя! У меня не может быть провалов в памяти! — Тебе пятьдесят, родная. Ты забыла десять лет нашей жизни. Но не волнуйся, я рядом.

Мой муж врет. Он говорит это так убедительно, что я почти верю...

Но Виктор — легендарный пилот, привыкший к безупречным маневрам. Поняв, что молодая любовница ему не по зубам, он решил совершить «экстренную посадку» обратно в наш уютный брак. Пользуясь моей амнезией, он стирает следы своего предательства, прячет беременную стюардессу и внушает мне, что последние десять лет мы были самой счастливой парой на свете.

Он забыл одно: я — врач. И даже если мой разум пуст, моя интуиция острее скальпеля. А когда в мою клинику на прием придет та самая «бывшая коллега» с округлившимся животом,

мой мир взорвется правдой. И тогда его полет закончится сокрушительным падением. Без шансов на выживание. В тексте вас ждут:

Измена как авиакатастрофа — когда земля уходит из-под ног спустя четверть века брака. Муж-манипулятор — 65-летний «орел», который решил, что может безнаказанно лгать жене-врачу. Любовница с секретом — стюардесса, которая затеяла опасную игру. Взрослые дети в заложниках лжи — когда семья превращается в театр абсурда. Врачебная месть — тонкая, профессиональная и абсолютно законная. Вторая весна героини — новый мужчина, который не боится её силы и возраста. Хэппи-Энд, который заставит вас улыбнуться!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2(Виктор)	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6(Виктор)	41
Глава 7	47
Глава 8	55
Глава 9(Виктор)	62
Глава 10	69
Глава 11	78
Глава 12(Виктор)	87
Глава 13	95
Глава 14	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Глава 1

Пятьдесят — это не просто цифра, это диагностический порог. В медицине мы называем это временем переоценки функциональных резервов. Солнечный луч, пробившийся сквозь тяжелый жаккард штор, беспардонно высветил пылинки, танцующие над кроватью, и коснулся моего лица. Я открыла глаза и не стала зажмуриваться. В моем возрасте уже не боятся света, в нем просто учатся видеть детали.

Я села, чувствуя привычную прохладу шелка сорочки. В зеркале напротив отразилась женщина, которую я уважала. Тонкая сетка морщинок у глаз — свидетельство тысяч улыбок, адресованных роженицам. Четкая линия подбородка, которую я поддерживала с фалабелловским упрямством. Кожа, сохранившая сияние благодаря дисциплине, а не генетической лотерее.

Сегодня мой юбилей. Полвека. Золотое сечение жизни.

Дверь спальни приоткрылась с тем самым едва слышным скрипом, который я обещала Виктору смазать последние три года. Муж вошел, неся поднос. Запах кофе — густой, с нотками корицы — наполнил комнату.

— С днем рождения, Аня, — голос Виктора прозвучал ровно.

Это был голос командира воздушного судна, сообщающего о легкой турбулентности. Спокойный, глубокий, вызы-

вающий доверие. В свои шестьдесят пять мой муж выглядел как ожившая реклама элитного часового бренда: серебро на висках, безупречная осанка пилота, привыкшего держать штурвал и ответственность за сотни жизней. Но сегодня в его глазах я не увидела привычного неба. Там была какая-то приземленная, пыльная усталость.

— Спасибо, Витя, — я улыбнулась, принимая чашку. — Ты сегодня непривычно рано. Пенсия все-таки приучила тебя к земному графику?

Он усмехнулся, но как-то мимо меня. Сел на край кровати, и я заметила, как он избегает моего взгляда.

— Решил, что в такой день не стоит откладывать главное. У меня для тебя подарок.

Он протянул мне коробку. Она была большой, прямоугольной и упакованной в скучную серебристую бумагу. Я ожидала футляр. Что-то маленькое, теплое, золотое — как символ наших двадцати пяти лет. Может быть, серьги, о которых я вскользь упомянула в ГУМе?

Я сорвала бумагу. Под ней оказалась белоснежная коробка с логотипом известного медицинского бренда. Внутри лежал массивный, футуристического вида аппарат.

— Это японский массажер последнего поколения, — пояснил Виктор, и в его голосе прорезались менторские нотки. — С функцией прогрева суставов и лазерной терапией. Ты ведь вечно жалуешься на колени после десятичасовых дежурств. В нашем возрасте, Аня, нужно думать о ресурсе. О

том, чтобы механизмы не изнашивались раньше времени.

Я смотрела на этот пластиковый агрегат, и мне казалось, что в комнате внезапно похолодало. Массажер. В день пятидесятилетия. Это был не подарок любимой женщине. Это был акт техобслуживания старого самолета, который пора списывать на вспомогательные линии.

— Спасибо, — выговорила я, чувствуя, как кофе застревает в горле. — Очень... практично.

— Жизнь вообще практичная штука, — бросил он, вставая. — Вечером ресторан. Дети будут в семь. Постарайся не задерживаться в клинике.

Ресторан «Облака» оправдывал свое название: панорамные окна на тридцать втором этаже создавали иллюзию полета. Но для меня этот вечер напоминал затянувшийся предполетный досмотр.

Марина, наша старшая, пришла первой. В свои двадцать шесть она была копией отца — та же стальная выправка, тот же холодный блеск в глазах. Она работала в отделе логистики крупнейшей авиакомпания и разговаривала короткими, рублеными фразами, словно диктовала диспетчерские сводки.

— Мам, отлично выглядишь. Для своего возраста — просто топ, — она приложилась щекой к моей щеке. — Пап, ты видел отчет по задержкам рейсов в Домодедово? Опять человеческий фактор.

Виктор тут же включился в разговор. Они обсуждали эше-

лоны, заправку и графики так, словно меня здесь не было.

Кирилл, мой младший, двадцатиоднолетний студент-архитектор, сел рядом со мной и накрыл мою ладонь своей. Он был единственным в этой семье, кто не грезил небом. Он любил землю, камни и твердые формы.

— С днем рождения, мам, — шепнул он. — Не слушай их. Ты сегодня — настоящая. А они... они просто боятся тишины.

Я посмотрела на сына и увидела в его глазах тревогу. Кирилл всегда был эмпатом. Он чувствовал ложь раньше, чем она обретала звуковую форму.

Весь вечер телефон Виктора вибрировал на скатерти. Он проверял его каждые пять минут. Короткие взгляды, нервное постукивание пальцами по столу.

— Витя, что-то случилось? — спросила я, когда он в третий раз за пятнадцать минут собрался выйти «подышать». — В министерстве опять пересматривают пенсионные льготы?

— Вроде того, — бросил он, не глядя на меня. — Сложный вопрос по страховке. Нужно ответить, пока юристы на связи.

Марина проводила его странным, тяжелым взглядом. Кирилл же просто сжал мою руку сильнее.

— Мам, может, поедем домой? — предложил сын. — Папа какой-то дерганный. Да и ты... ты бледная.

— Все хорошо, Кирюш. Просто долгий день.

Юбилейный торт был безупречен. Но на вкус он казался

мне ватой. Когда мы прощались на парковке, Марина обняла меня чуть крепче обычного, и я почувствовала, как её пальцы судорожно впились в мои плечи.

— Мама, — она запнулась. — Что бы ни случилось... помни, что ты — лучший врач, которого я знаю.

Она села в свою машину, не дождавшись моего ответа.

Дома было слишком тихо. Я сняла туфли, чувствуя, как гудят те самые колени, о которых «позаботился» Виктор. Муж возился в прихожей. Я пошла на кухню, чтобы выпить воды, и споткнулась о пакет, который стоял за тумбой для обуви. Красочный бумажный пакет из магазина «Mothercare».

Мое сердце пропустило удар. Неужели Марина? Она не говорила, что беременна. Мы с ней не были близки в последнее время, но такое...

— Витя! — позвала я, доставая из пакета крошечный комбинезон нежно-сливочного цвета. — Посмотри, что я нашла! Неужели наша Марина решилась? Почему она молчит?

Я вышла в коридор, прижимая мягкую ткань к груди. Виктор стоял у окна. Он не обернулся. Его плечи, всегда такие прямые, сейчас казались тяжелыми, как бетонные плиты.

— Положи это на место, Аня, — голос был тихим, но в нем не было тепла.

— О чем ты? Витя, это же чудо! Если Марина ждет ребенка, мы должны...

— Это не Марины, — отрезал он.

Он медленно повернулся. В тусклом свете прихожей его лицо казалось маской из папье-маше. Безжизненным и чужим.

— Это пакет Инны.

Имя ударило меня под дых. Инна. Я знала её. Стюардесса из его бывшего экипажа. Я видела её на общих праздниках — звонкая, вечно смеющаяся, на десять лет моложе меня. Сорок лет — опасный возраст для женщины, время последнего шанса.

— При чем здесь Инна? — мой голос стал тонким, как хирургическая нить.

— При том, Аня. При том, что я ухожу. Сегодня. Вещи уже в машине, я собрал их, пока ты была в ванной перед рестораном.

Я смотрела на него и не понимала смысла слов. Уходит? Мой муж? Мой «капитан»? Человек, с которым мы выстроили эту квартиру по кирпичику, выучили детей, пережили лихие девяностые и тучные двухтысячные?

— Инна ждет ребенка, — продолжал он, и теперь его голос обрел ту самую «пилотскую» уверенность. — Моего ребенка. Сына.

— Тебе шестьдесят пять, Виктор, — выдохнула я, чувствуя, как земля начинает медленно уходить из-под ног. — Какого сына? Ты о чем?

— О жизни, Аня! О настоящей жизни! — он вдруг сорвался на крик. — Ты врач, ты видишь в людях только ди-

агнозы и функции. Ты со своим режимом, своими диетами и своими «суставами» превратила наш дом в геронтологический центр! А Инна... она живая. Она пахнет не антисептиком, а небом. С ней я не пенсионер, доживающий свой век у телевизора. С ней я снова в строю.

Он подошел к столу, вырвал из моих рук детский комбинезон и бросил рядом с ним лист бумаги. Это была термобумага из аппарата УЗИ. Знакомое черно-белое зернистое изображение. Плод. Шестнадцать недель.

Я, лучший гинеколог-репродуктолог города, смотрела на снимок ребенка своего мужа, зачатого другой женщиной. Мой глаз профессионально отметил правильную закладку органов, хорошее сердцебиение.

— Я не хочу быть твоим «пациентом», Аня, — его голос снова стал холодным. — Я хочу быть мужчиной. Ты — отработанный ресурс. Ты надежная, как взлетная полоса, но мне нужно лететь. Прости. Разводом займутся юристы, я не претендую на твою долю в этой квартире, мне есть где жить.

Он подхватил сумку, которую я раньше не заметила у двери.

— С днем рождения, Аня. Постарайся... применить свои медицинские знания к себе. Тебе теперь это пригодится.

Дверь захлопнулась. Звук замка отозвался в моей голове оглушительным взрывом.

Я стояла в пустом коридоре. В руках у меня остался чек, выпавший из пакета. «Слипик детский, размер 56».

Мне было пятьдесят лет. Десять минут назад я была успешной женщиной, любимой женой и матерью. Сейчас я была просто «отработанным ресурсом».

В голове внезапно стало очень тихо. Слишком тихо. Так бывает перед тем, как отключаются двигатели в зоне турбулентности. Я медленно пошла к вешалке, сняла ключи от машины и от дачи. Мне нужно было ехать. Куда угодно, лишь бы не слышать этого звенящего одиночества.

Я вышла на улицу. Ночной воздух был липким и влажным. Сядясь за руль, я мельком глянула в зеркало заднего вида. На меня смотрела женщина, чье лицо стремительно бледнело, стирая черты.

Я выехала на трассу. Я ехала на дачу. Мне срочно нужна перезагрузка, что забыть этот кошмар...

Глава 2(Виктор)

(от лица Виктора)

Три дня — это много или мало? В авиации за три дня можно совершить кругосветку, сменить пять часовых поясов и полностью потерять ориентацию в пространстве. В моей новой жизни за три дня я понял одно: турбулентность — это не самое страшное. Самое страшное — это когда ты понимаешь, что добровольно выпрыгнул из исправного самолета, надеясь, что гравитация на тебя не действует.

Первые сутки в «новой гавани» прошли под знаком эйфории. Квартира, которую я снял для нас с Инной, была верхом современного минимализма: бетон, стекло и панорамные окна с видом на сияющую Москву. Я чувствовал себя победителем. Я — КВС Виктор Павлович Васильев, человек, который не побоялся развернуть свою судьбу на сто восемьдесят градусов в шестьдесят пять лет.

Инна была великолепна. В кружевном белье, с этим её вечным запахом дорогого табака и тяжелых духов, она кружилась по комнате с бокалом шампанского.

— Витенька, мы свободны! — смеялась она, и её смех колокольчиком рассыпался по пустому пространству. — Представляешь? Больше никаких графиков, никакой диеты, никакой твоей «правильной» Анны с её вечными советами.

Только мы!

Я пил шампанское и верил. Я чувствовал себя на двадцать лет моложе. Секс на новом шелковом белье был похож на полет в грозовом фронте — рискованно, ярко, на пределе. Я засыпал с мыслью, что совершил лучший маневр в своей жизни.

На вторые сутки небо начало затягивать дымкой.

Проснувшись в одиннадцать утра, я почувствовал, что спина превратилась в сплошной комок боли. Матрас в этой модной квартире был неоправданно мягким, «дизайнерским». Я привык к жесткому, ортопедическому основанию, которое Анна выбирала с маниакальным упорством врача.

— Инна, — позвал я, потирая поясницу. — Есть что-нибудь от спины? И... где мой завтрак?

Инна появилась из ванной в одном полотенце. Она выглядела свежей, но взгляд её был рассеянным. Она уткнулась в телефон.

— Завтрак? Вить, ты чего? Закажи доставку. Я вообще-то в декрете, я отдыхать хочу. И спина... ну, разотри чем-нибудь. У меня тут девчонки в чате обсуждают новые коляски «Стокке», представляешь, сколько они стоят?

Я заказал доставку. Через сорок минут курьер привез жирные круассаны и пережаренный омлет в пластиковом боксе. Мой желудок, приученный Анной к овсянке на воде и паровым тефтелям, отозвался глухим ропотом. К полудню

у меня началась изжога.

— Инна, — осторожно начал я, когда она в третий раз за час напомнила мне, что нам нужно поехать в торговый центр смотреть мебель. — Может, ты сваришь суп? Легкий такой, куриный. Мне что-то не по себе.

Она посмотрела на меня так, будто я попросил её вручную перебрать двигатель «Боинга».

— Суп? Васильев, ты серьезно? Я стюардесса, а не повариха в столовой. У меня токсикоз начинается, если я долго у плиты стою. Если тебе нужны супчики — мог оставаться у своей Анны. Она же у нас мастер по лечебному питанию.

Это был первый укол. Маленький, едва заметный, но ядовитый. Впервые за сорок восемь часов я вспомнил Анну не как «отработанный ресурс», а как женщину, которая знала, что мне нужно выпить таблетку от давления до того, как у меня заболит голова.

Третьи сутки стали настоящим пике.

В квартире воцарился хаос. Инна оказалась патологически неряшлива. Повсюду валялись её косметички, пакеты из магазинов, грязные чашки. Она постоянно висела на телефоне, обсуждая с подругами, какой куш она сорвала и как «старик» (так она называла меня в разговорах, которые я не должен был слышать) теперь будет обеспечивать её до конца дней.

— Витя, — она зашла в комнату, когда я пытался сосре-

доточиться на чтении авиационных новостей. — Слушай, я тут посчитала. Квартира, которую мы снимаем — это деньги в никуда. Тебе нужно продать дачу. Срочно. И ту долю в вашей старой квартире, которую ты можешь отсудить. Мы купим нормальный дом в Новой Риге. Моему сыну нужен воздух, а не этот бетон.

Я посмотрел на неё. На её сорокалетнее, безупречно накрашенное лицо. На её капризно выпяченную губу. И вдруг понял: для неё я не «герой-пилот». Я — пенсионный фонд на ножках. Гарантийный талон на безбедную жизнь.

— Дача записана на Анну, — сухо ответил я. — И квартиру мы делили еще при покупке так, что у меня там только четверть. Мы прожили двадцать пять лет, Инна. Нельзя просто прийти и забрать всё.

— Значит, договорись! — она сорвалась на визг. — Ты обещал мне рай! Ты обещал, что я ни в чем не буду нуждаться! А теперь что? У тебя спина болит, ты супчик хочешь и квартиру делить боишься? Ты мужик или где?

Я вышел из дома. Мне нужно было подышать. Ноги сами привели меня к нашему старому дому. Я знал, что Анна уехала на дачу — Кирилл написал мне злобное смс, что «маме нужно прийти в себя после твоего дерьма».

Я поднялся на свой этаж. Рука привычно нащупала ключи. Замок открылся мягко, бесшумно.

В квартире пахло чистотой, лавандой и... покоем. Здесь всё было на своих местах. Мои тапочки аккуратно стояли

у порога. На столе в кухне — накрытая полотенцем ваза с фруктами. Никаких гор грязной посуды, никакого крика, никакого запаха дешевых амбиций.

Я прошел в наш кабинет. Здесь стояла тишина, которая раньше казалась мне давящей, а сейчас ощущалась как благословение. Я сел в свое кресло. На столе лежал мой стетоскоп — старый подарок Анны, когда я еще только начинал летать и шутил, что буду слушать сердце самолета.

— Что же я наделал? — прошептал я в пустоту.

Я чувствовал себя предателем. Но не только по отношению к Анне. Я предал самого себя. Свою стабильность, свое достоинство, свою комфортную старость. Инна была как яркий, но неисправный борт: снаружи блестит, а внутри — отказ всех систем. И лететь на нем долго невозможно — разобьешься.

В этот момент в кармане завибрировал телефон. Смс от Инны: «Где ты шляешься? Я заказала пиццу, заплати курьеру, у меня карта заблокирована. И не забудь купить мне те витамины, про которые я говорила. Быстрее!».

Я не ответил. Я смотрел на фотографию на стене. Мы с Анной в Италии, пять лет назад. Она смеется, ветер треплет её волосы, и она выглядит такой... настоящей. Не сорокалетней «куклой», а женщиной, с которой не страшно входить в любое пике.

Я вышел из квартиры, чувствуя, как внутри растет липкий, позорный страх. Я не мог вернуться к Анне сейчас.

Слишком много было сказано. Слишком сильно я её ударил в тот вечер.

Весь вечер я просидел в машине, глядя на окна нашей квартиры. Я ждал, когда Анна вернется с дачи. Я хотел просто увидеть свет в её окне. Хотел убедиться, что она жива, что она справляется.

Дождь начал барабанить по крыше. Москва превратилась в размытое пятно. Я достал телефон, набрал сообщение: «Аня, где ключи от моего сейфа? Не могу найти».

Это был жалкий повод. Я просто хотел, чтобы она ответила. Чтобы она вышла на связь. Чтобы этот невидимый трос, который связывал нас двадцать пять лет, натянулся и дал мне понять, что я еще существую.

Нажал «отправить».

Прошла минута. Две. Пять.

Экран телефона молчал. А где-то там, на ночной трассе, в этот самый момент Анна смотрела на вспыхнувший экран, отвлекаясь от дороги на мою никчемную, эгоистичную просьбу.

Я завел мотор. Мне стало невыносимо тошно в этой машине, в этой жизни, в самом себе. Я решил поехать обратно к Инне, чтобы хотя бы не быть одному в эту чертову ночь.

Но на перекрестке меня обогнала скорая с включенными сиренами. Она неслась в сторону области. Сердце предательски екнуло. В авиации это называется «предчувствие катастрофы» — когда все датчики еще в норме, но ты уже чув-

ствуешь запах гари.

Я еще не знал, что через час мой телефон зазвонит снова. И голос дежурного врача сотрет всё мое раздражение на Инну, мою изжогу и мои сомнения. Потому что судьба решила дать мне тот самый «шанс», о котором я не смел и мечтать. Шанс переписать всё заново, стерев из памяти Анны эти три дня моего позора.

Но за этот шанс мне придется заплатить такую цену, о которой я еще не догадывался. И первой монетой в этой оплате станет моя окончательная потеря совести.

Глава 3

Три дня на даче — это добровольное одиночное заключение в камере, которую ты сама когда-то любовно обставляла. Я бродила по пустым комнатам нашего загородного дома в Ильинском, слушая, как дом вздыхает вместе со мной. Здесь всё пахло Виктором: его старой кожаной курткой, забытой в прихожей, ароматом его любимого трубочного табака, который он курил только на террасе, запахом дров, которые он колол с таким упорством, словно пытался выплеснуть накопившееся на земле раздражение.

Я не плакала. В гинекологии слезы — это симптом, а не лекарство. Я занималась самолечением: методично, слой за слоем, препарировала нашу двадцатипятилетнюю жизнь, пытаясь найти тот момент, когда в здоровой ткани нашего брака зародилась эта злокачественная опухоль по имени Инна.

Оказывается, я была слепа не потому, что не видела, а потому, что слишком доверяла «приборам». Я верила, что если в доме чисто, дети устроены, а муж возвращается к ужину, то наш полет идет по расписанию. Но Виктор прав: я видела в нем функцию, а не человека. Я видела в нем капитана, надежную стену, но не видела мужчину, который до дрожи боится морщин на шее и того, что небо для него навсегда закрыто.

На второй день я наткнулась в кладовке на его рыболовные снасти. Он никогда не любил рыбалку, но купил всё это в прошлом году, когда его списали на пенсию. Снасти лежали нетронутыми, в заводской упаковке. Он искал способ занять себя на земле, а нашел... сорокалетнюю стюардессу, которая пообещала ему вечную молодость в обмен на его статус и кошелек.

Инна.

Я вспомнила её медицинскую карту, которую изучала три года назад. Я тогда еще отметила про себя: «Синдром отложенного материнства». Она так боялась потерять фигуру и работу в небе, что тянула до последнего. А теперь она решила запрыгнуть в последний вагон, и в качестве билета выбрала моего мужа. Это было не просто предательство — это было профессиональное унижение. Я лечила её, я давала ей надежду, а она в это время примеряла мою фамилию и мою жизнь.

Дети звонили постоянно. Марина писала сухие, деловые СМС: «Мам, ты как? Нужно обсудить юридические моменты. Отец ведет себя неадекватно». Моя дочь, моя «железная леди», уже просчитывала стратегию раздела имущества. Кирилл просто присылал фотографии неба или цветов с подписью: «Дыши, мам. Мы рядом». Я не отвечала. Мне нужно было дойти до дна, чтобы оттолкнуться.

К вечеру третьего дня я поняла: я справлюсь. Мне пятьдесят, у меня есть имя, есть руки, которые спасли тысячи

жизней, и есть гордость, которую Виктор не смог упаковать в свои чемоданы. Я решила, что завтра же еду в Москву, подаю на развод на своих условиях и начинаю жить. Без оглядки на «давление капитана» и его диетическое меню.

Утром пошел дождь. Серый, нудный, подмосковный дождь, превративший мой сад в кладбище несбывшихся надежд. Я заперла дачу, бросила сумку на заднее сиденье и выехала на трассу.

Дорога была тяжелой. Темнота навалилась рано, а дождь стал стеной, сквозь которую фары встречных машин пробились мутными, расплывчатыми пятнами. Я включила радио — там играл какой-то старый джаз, который мы когда-то любили слушать с Виктором в Италии. Я переключила станцию. Теперь в моей жизни не должно быть ничего, что напоминало бы о нем.

Я думала об Илье Миронове. О моем коллеге-хирурге, который в прошлом месяце на конференции в Питере так странно смотрел на меня. Тогда я сделала вид, что не заметила его приглашения на «поздний кофе». А ведь Илья — вдовец, он младше Виктора на двенадцать лет, и в его глазах всегда было то спокойное уважение, которого мне так не хватало дома последние годы. Может быть, это мой шанс? Не на «последний полет», а на нормальную, земную жизнь с человеком, который не боится старости.

Трасса была мокрой и скользкой. Я ехала в левом ряду, обгоняя тяжелые фуры, от которых летели фонтаны грязной

воды. Мой внедорожник шел уверенно, но внутри меня всё равно дрожала какая-то натянутая струна. Психосоматика, поставила я себе диагноз. Стресс требует выхода.

Внезапно в подстаканнике завибрировал телефон. Я мельком глянула на экран. Виктор.

Сердце предательски екнуло. Неужели одумался? Неужели понял, что Инна — это всего лишь яркая обертка от пустоты? Я потянулась к телефону, хотя знала, что за рулем в такой ливень это безумие.

Разблокировала экран. Короткое сообщение:

«Аня, где ключи от моего сейфа? Не могу найти. И посмотри, не оставил ли я там свои полетные документы. Это срочно».

Я почувствовала, как по лицу разливается жар. Срочно. Ключи от сейфа. Ни «как ты?», ни «прости», ни «я совершил ошибку». Его волновали бумаги и железный ящик в кабинете. Он даже в такой момент оставался верен себе — мелочный, эгоистичный человек, который заботится только о своем комфорте.

Я задохнулась от гнева. Рука сама потянулась набрать ответ: «Ищи в аду, Виктор!»

На долю секунды я опустила взгляд на клавиатуру телефона. Всего на одну секунду.

В этот момент мир впереди взорвался слепящим светом. Огромный грузовик, потерявший управление на скользком

повороте, вылетел на мою полосу. Я увидела его железную морду, похожую на оскал чудовища, совсем рядом.

— Нет! — закричала я, инстинктивно выкручивая руль вправо.

Машину подбросило. Я почувствовала, как колеса теряют связь с асфальтом. Это было похоже на невесомость, о которой так часто рассказывал Виктор. Свободное падение.

Удар был оглушительным. Мир перевернулся, зазвенело бьющееся стекло, в лицо ударило что-то мягкое и белое — подушка безопасности. Я почувствовала резкую боль в груди и в голове, а потом... наступила тишина.

Машина лежала в кювете, уткнувшись носом в старую брезу. Дождь барабанил по крыше, словно пытаясь достучаться до меня. Где-то внизу, на коврике, продолжал светиться экран моего телефона.

«...ключи от сейфа... это срочно...» — светились буквы в полумраке искореженного салона.

Я пыталась вдохнуть, но в легких словно битое стекло. Сознание уплывало, оставляя меня в этой железной ловушке. Последнее, что я помнила — это лицо Виктора. Но не того, нынешнего, а молодого, в форме пилота, который когда-то обещал мне, что мы всегда будем летать вместе.

А потом пришла темнота. Черная, густая и милосердная. Она стерла дождь, стерла боль от удара и — самое главное — она стерла Инну, сейф, измену и те три дня ада на даче.

Я провалилась в пустоту, не зная, что когда я открою гла-

за, мир для меня станет совсем другим. В нем снова будет четырнадцатый год, весна, и мой Виктор будет самым лучшим мужчиной на свете. Судьба решила подарить мне амнезию как последний шанс спастись от правды, которая оказалась сильнее меня.

Но за этот подарок мне придется заплатить жизнью, которую я еще не прожила. И первым, кто воспользуется моим беспамятством, будет тот, из-за кого я сейчас лежала в этой разбитой машине, истекая кровью под звуки далеких сирен.

Глава 4

Три дня — это ровно тот срок, за который эйфория от «нового полета» окончательно сменяется осознанием того, что ты летишь на неисправном борту, а запаса топлива нет. К исходу третьих суток в нашей с Инной съемной «крепости» из бетона и панорамного остекления пахло не страстью, а подгоревшей пиццей и застарелым раздражением.

— Витя, ты меня вообще слышишь? — голос Инны, обычно звонкий и бодрящий, как сигнал к началу регистрации, теперь вибрировал на частоте ультразвука. — Я не собираюсь рожать в этой съемной коробке! Мне нужен дом. Тот, который в Ильинском. Или ты думаешь, я буду гулять с коляской по загазованному проспекту, пока твоя «святая» Анна там в одиночестве подстригает розовые кусты?

Я сидел на диване, чувствуя, как в затылке начинает пульсировать знакомая тупая боль. Мой лечащий врач называл это гипертонией, Анна — «последствием твоей упертости», а я — просто усталостью металла.

— Дача принадлежит Анне, Инна. Это её наследство от родителей. Я не могу просто прийти и выгнать её.

— Ой, не надо мне этих сказок! — Инна швырнула на стол пустую чашку. — Вы прожили двадцать пять лет, там всё общее. Подай в суд, припугни её, ты же мужчина! Или ты только в кабине пилота такой смелый, а перед женой-врачом

хвост поджимаешь?

Я посмотрел на неё. Три дня назад я думал, что она — мой глоток чистого кислорода. Сейчас она казалась мне назойливой сигнализацией, которую невозможно отключить. Её сорокалетняя красота в домашнем свете выглядела агрессивно, почти хищно. В ней не было того мягкого, всепрощающего спокойствия, к которому я привык за четверть века.

В этот момент мой телефон, лежащий на столе, взорвался пронзительным звонком. Я вздрогнул. Номер был незнакомый.

— Слушаю.

— Виктор Павлович? Это дежурный врач нейрохирургии тринадцатой больницы. Ваша жена, Анна Павловна, попала в тяжелое ДТП на трассе. Она в реанимации.

Мир вокруг меня на мгновение замер, словно самолет попал в зону глубокого вакуума. Я почувствовал, как кровь отливает от лица. Первой мыслью был парализующий ужас: «Она умрет. Она умрет, и все узнают, что это из-за меня». Но следом, как вспышка навигационного огня в тумане, пришло другое чувство. Липкое, постыдное, но абсолютно ясное — облегчение.

Это был мой легальный выход. Мой «запасной аэродром».

— Что случилось? — Инна подошла ближе, в глазах — холодное любопытство.

— Анна разбилась. Трасса, — я уже натягивал ботинки, руки действовали автоматически. — Я должен ехать.

— Опять она! — Инна всплеснула руками. — Витя, это манипуляция! Она специально это сделала, чтобы вернуть тебя! Не смей уходить!

Я посмотрел на неё так, словно видел впервые. Глупая. Она даже не понимала, какой подарок преподнесла нам судьба.

— Если она умрет сейчас, Инна, я стану убийцей в глазах своих детей и всех друзей. Я потеряю право на всё. Сиди здесь и молчи.

Я вылетел из квартиры, не дожидаясь ответа.

Дождь за окном машины казался бесконечным. Я гнал по ночному городу, и мой мозг, привыкший к работе в экстремальных условиях, уже лихорадочно составлял план «спасения репутации».

Три дня назад я был изменником, бросившим жену в её юбилей. Сегодня я — муж, убитый горем, который мчится к постели пострадавшей супруги. Главное — правильно расставить акценты.

В больничном коридоре я увидел Кирилла. Мой сын, обычно спокойный и рассудительный, выглядел так, будто его пропустили через центрифугу. Он вскочил, увидев меня, и в его взгляде я прочитал всё: обвинение, ненависть и боль.

— Где ты был, отец? — его голос дрожал. — Мама уехала три дня назад. Она не брала трубку. А потом этот звонок... Почему она была на трассе ночью в такой ливень? Что ты ей

сказал перед её отъездом?

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Марина стояла поодаль, её лицо было каменным. Она видела меня насквозь — моя дочь всегда была слишком похожа на меня, чтобы верить моим сказкам.

— Мы поссорились, Кирюш, — я положил руку ему на плечо, но он дернулся, сбрасывая её. — Я совершил ошибку. Глупость. Я хотел извиниться, я писал ей...

Я вспомнил свое СМС про ключи от сейфа. Боже, если телефон уцелел, если Кирилл прочитает эту мелочную дрянь, которую я отправил ей за пять минут до аварии...

В этот момент из бокса вышел врач. Мужчина средних лет, с лицом, серым от усталости.

— Вы муж? Пойдемте, нужно поговорить.

Мы отошли к окну. Врач долго смотрел на дождь, прежде чем заговорить.

— Физически она будет жить. Крепкий организм, повезло, что машина надежная. Черепно-мозговая травма, перелом ребер, ушибы. Но есть одна особенность. Ретроградная амнезия.

— Что это значит? — я затаил дыхание.

— Она забыла последние десять лет своей жизни. Целый пласт. Для неё сейчас — весна две тысячи четырнадцатого года. Она не помнит ничего после этого, судя по всему, она не помнит ничего, что могло бы её сейчас травмировать.

Я замер. Сердце забилося часто-часто, как у воробья. Де-

сять лет. Целое десятилетие стерто из её памяти одним ударом о березу.

Это был не просто шанс. Это был «джекпот». Идеальное преступление без улик.

— Это... это лечится? — я старался, чтобы мой голос звучал обеспокоенно.

— Мозг — штука сложная. Память может вернуться через день, а может не вернуться никогда. Сейчас главное — покой. Никаких потрясений. Если вы начнете рассказывать ей о проблемах, это может спровоцировать отек мозга. Сейчас вы для неё — муж из четырнадцатого года. И я настоятельно рекомендую вам им и оставаться. Ради её жизни.

Я кивнул, едва сдерживая торжествующий вопль внутри.

— Я понял. Спасибо, доктор. Я сделаю всё.

Перед тем как войти в палату, я зашел в туалет. Достал из кармана пакет с личными вещами Анны, который мне выдали в приемном покое. Разбитый смартфон. Экран был в мелкую сетку, но он работал.

Я быстро ввел пароль — её день рождения. Открыл сообщения. Удалил всё. Свою последнюю СМС про сейф, свои оправдания за прошлые дни, все её гневные ответы. Очистил входящие, исходящие, историю вызовов.

Теперь «черный ящик» был пуст. Никаких следов моего предательства. Для всего мира я был мужем, который ждал её дома, пока она была на даче.

Я вошел в палату. Аня лежала под белой простыней, маленькая, бледная, с забинтованной головой. Писк монитора напоминал мне звук радиомаяка.

Я сел рядом и взял её за руку. Её пальцы дрогнули. Она открыла глаза. Взгляд был мутным, но как только она сфокусировалась на мне, в нём вспыхнула такая нежность и узнавание, что мне на секунду стало тошно от самого себя.

— Витя?.. — прошептала она. Голос был слабым, надтреснутым.

— Я здесь, Анечка. Всё хорошо.

— Мне приснилось... — она нахмурилась, пытаясь поймать ускользающую мысль. — Будто мы ругались. И какая-то женщина... Инна? Кто это, Витя? Почему я помню это имя?

Я сжал её руку чуть сильнее.

— Это просто кошмар, родная. Ты переутомилась в клинике, у тебя был сложный период. Инна — это какая-то пациентка, ты о ней говорила вчера. Забудь. Всё в порядке. У нас весна, помнишь? Мы скоро поедem в Рим, как и собирались.

Она улыбнулась. Слабо, доверчиво.

— Рим... Да, я помню. Прости меня, я, наверное, плохая жена, раз мне такие ужасы снятся про тебя.

— Ты самая лучшая, — я наклонился и поцеловал её в холодный лоб. — Спи. Я буду рядом. Теперь всегда.

Я сидел у её кровати и смотрел, как она засыпает. Внутри меня ликовал подонок. Я совершил невозможное — я откатил время назад. Я снова был героем, я сохранил дом, статус и жену, которая теперь смотрела на меня как на бога. Инна? Я что-нибудь придумаю. Спрячу её, откуплюсь. Сейчас главное, что я — снова капитан на своем мостике.

Я поцеловал её руку и прошептал в тишину палаты:

— Ты ничего не помнишь, родная. И я никогда не позволю тебе вспомнить. Мы — самая счастливая пара на свете. А остальное... остальное просто стерто. Как неудачный полет.

Я еще не знал, что память — это не файлы на жестком диске, которые можно просто удалить. Это шрамы на сердце. И когда-нибудь они заноят так сильно, что никакая моя ложь не сможет заглушить эту боль. Но сейчас я чувствовал себя богом, обманувшим саму судьбу.

Глава 5

Белый цвет в операционной — это символ стерильности и надежды. Белый цвет в палате реанимации — это чистый лист, на котором чья-то рука стерла всё, что составляло мою суть.

Я открыла глаза, и первое, что почувствовала — это вкус металла на языке и сухость, от которой гортань казалась выстланной наждачной бумагой. Потолок. Идеально ровный, с едва заметной трещиной в углу, похожей на приток безымянной реки. Я смотрела на неё долго, пытаюсь вспомнить, как сюда попала.

В голове пульсировало. Не больно, скорее монотонно, как далекий гул авиационного двигателя.

— Аня... Слава богу.

Голос был знакомым. Глубокий, с характерной хрипотцой, которую я всегда узнавала из тысячи. Виктор. Мой Витя.

Я попыталась повернуть голову, но шея отозвалась резким протестом. Он тут же оказался рядом. Его лицо заполнило всё моё поле зрения. Я моргнула, пытаюсь сфокусироваться. Странно. Почему он так странно выглядит?

В моей памяти Виктор — это мужчина в самом расцвете. Пятьдесят пять лет для пилота его уровня — это лишь цифра. У него были густые, тронутые солью волосы на висках,

но сейчас... Передо мной стоял человек с абсолютно седой головой. Кожа вокруг глаз собралась в глубокие складки, которых я не помнила. Он выглядел... старым. Словно за одну ночь его жизнь прокрутили на ускоренной перемотке.

— Витя? — мой голос прозвучал как шелест сухой листвы. — Что... что с твоим лицом? Ты так осунулся.

Он замер. На долю секунды в его глазах промелькнуло что-то похожее на панику, но он тут же взял себя в руки. Этот его «капитанский» взгляд — прямой, уверенный, успокаивающий.

— Это всё из-за тебя, родная, — он осторожно взял мою руку и прижал её к своей щеке. Кожа была сухой и горячей. — Я три ночи не спал. Авария... Ты нас так напугала.

— Авария? — я нахмурилась, пытаюсь поймать хоть какой-то обрывок воспоминания. — Мы ведь... мы ведь собирались в Италию. Ты обещал мне Рим в марте. Какой сегодня день? Четырнадцатое марта?

Виктор сжал мои пальцы чуть сильнее. Его взгляд стал еще более нежным, почти жалобным.

— Анечка, Италия была... это было давно. Сейчас всё по-другому. Главное, что ты жива. Врачи говорят, это чудо.

Я попыталась проанализировать ситуацию как врач. Так, Анна Павловна, дышим ровно. Черепно-мозговая травма? Вероятно. Шкала комы Глазго? Явно не критично, раз я в сознании. Ретроградная амнезия? Мой мозг услужливо подкинул термин. Я не помню удар. Не помню дорогу. Послед-

нее четкое воспоминание — мы сидим на кухне, обсуждаем билеты в Рим и мой предстоящий отпуск. Я только что получила должность ведущего специалиста, мне сорок лет, и жизнь кажется бесконечным взлетом.

— Пить... — прошептала я.

Он тут же поднес к моим губам стакан с трубочкой. Вода была божественной. Она смыла металлический привкус, но не смыла странное ощущение неправильности.

В палату вошел врач. Молодой мужчина, чей халат хрустел от свежести. Он посмотрел на мониторы, потом на меня.

— С возвращением, Анна Павловна. Коллеги за вас очень переживали. Как самочувствие? Ориентируетесь в пространстве?

— Я в больнице, — ответила я, стараясь говорить четко. — Судя по оборудованию, это нейрохирургия. Я гинеколог, я знаю, как выглядят эти аппараты. Но я не понимаю, почему мой муж выглядит так, будто прошло десять лет с нашей последней встречи.

Врач переглянулся с Виктором. В этом взгляде была какая-то недосказанность, которая заставила мои внутренности сжаться.

— Анна Павловна, — врач подошел ближе. — Травма была серьезной. Мозг иногда... защищается. Он стирает то, что причиняет боль. Мы проведем еще ряд тестов, но сейчас вам нужно просто отдыхать. Ваш муж здесь, он о вас заботится.

Они ушли в коридор, оставив дверь приоткрытой. Я слы-

шала их приглушенные голоса, но не могла разобрать слов.

Я осталась одна. Тишина в палате стала осязаемой. Я посмотрела на свою руку, в которую была воткнута игла капельницы.

И тут я замерла.

Это была не рука сорокалетней женщины. Кожа на тыльной стороне ладони была более тонкой, с едва заметными пигментными пятнами, которых не было еще «вчера». Вены проступали отчетливее. Я знала эти признаки. Инволюция тканей. Снижение эстрогенов.

Я дернулась, пытаясь сесть. Боль в ребрах прошла тело, как электрический разряд, но я не остановилась. Мне нужно было зеркало.

— Аня! Что ты делаешь? — Виктор влетел в палату, подхватывая меня за плечи. — Тебе нельзя вставать!

— Зеркало, — прохрипела я. — Витя, дай мне зеркало. Сейчас же!

— Родная, тебе не стоит... ты сейчас не в лучшей форме, ссадины, повязка...

— Дай мне сумку! — я почти закричала. — Мою сумку, там есть пудреница. Или включи фронтальную камеру на телефоне!

Виктор стоял передо мной, и я видела, как на его лбу выступила испарина. Он медленно достал из кармана телефон. Руки его дрожали. Это был какой-то новый гаджет — тонкий, с огромным экраном без кнопок.

Он нажал на экран и поднес его к моему лицу.

Я задохнулась.

Из черного прямоугольника на меня смотрела женщина, которую я не знала.

Голова в бинтах, на скуле — лиловый кровоподтек. Но не это было самым страшным. Глаза. Вокруг них была целая сеть глубоких морщин. Носогубные складки пролегали так глубоко, словно их вырезали скальпелем. Шея... та самая предательская шея, которую мы, гинекологи, называем «кольцами Венеры». На ней было не два кольца, а целая гирлянда.

Это было лицо пятидесятилетней женщины.

Я оттолкнула его руку. Телефон упал на одеяло, продолжая светиться, выставя мой позор на всеобщее обозрение.

— Кто это? — мой голос сорвался на визг. — Кто это, Виктор?!

— Это ты, Анечка... — он попытался обнять меня, но я отпрянула, как от ядовитой змеи.

— Врешь! Ты всё врешь! Мне сорок лет! У меня юбилей должен быть через месяц! Мы планировали Италию! Почему я старая? Почему ты седой?

Я схватила себя за волосы, торчащие из-под бинта. В них была явная, нескрываемая седина.

— Витя, сколько я пролежала в коме? Пять лет? Десять? Скажи мне правду! Почему я проснулась в чужом теле?!

Я смотрела на него, и в моей голове, как в испорченном калейдоскопе, начали мелькать странные образы. Плачущая Марина, которая выглядит как взрослая женщина, а не как подросток-десятиклассница. Кирилл — высокий, широкоплечий парень с бородой...

Виктор опустился на стул рядом с кроватью. Он закрыл лицо руками, и я увидела, как его плечи мелко задрожали. Спектакль начинался.

— Анечка... — он поднял на меня глаза, полные фальшивых слез, которые я тогда приняла за истинное горе. — Ты не была в коме десять лет. Ты была в сознании всё это время. Просто... удар был такой силы, что ты всё забыла. Последние десять лет. Ты забыла, как выросли дети. Забыла, как мы жили. Для тебя время остановилось в четырнадцатом году.

— Но... но я врач! Я же работала! Где мои записи? Где мои пациенты?

— Ты работала на износ, — он взял мои ледяные руки в свои. — Ты была в депрессии последние годы. Гормональный сбой, ранний климакс... Ты очень изменилась, родная. Авария — это результат твоего истощения. Ты просто не справилась с управлением, потому что твоя нервная система сдала.

Я слушала его, и мой медицинский мозг пытался зацепиться за логику. Ранний климакс? Депрессия? Это объясняло состояние кожи и седину. Но почему внутри меня жило ощущение, что он лжет? Что в этой «депрессии» была

причина, которую он сейчас старательно прячет за словами о «сбое системы»?

— Пятьдесят... — прошептала я. — Мне пятьдесят лет?

— Да, — он кивнул, целуя мои ладони. — Тебе пятьдесят, Аня. И мы только что отпраздновали твой юбилей. Спокойно, по-семейному. Ты была такая красивая... А потом ты решила поехать на дачу. Ночью. В ливень. Я умолял тебя остаться, но ты не слушала.

Я смотрела на него, и мне хотелось верить. Хотелось спрятаться в этом его «я рядом», «всё хорошо». Потому что реальность, в которой я потеряла десять лет жизни, была слишком страшной.

— Значит, у нас всё хорошо? — спросила я, заглядывая ему в глаза. — Мы... мы всё еще любим друг друга?

Виктор улыбнулся. Той самой улыбкой, за которую я когда-то полюбила его — открытой, мальчишеской, надежной.

— Больше, чем когда-либо, Аня. Ты — моя жизнь. Моё небо. И теперь, когда ты всё забыла... может, это и к лучшему? Начнем с чистого листа. Только ты и я. И никакой депрессии.

Я прикрыла глаза, чувствуя, как действие лекарств снова тянет меня в сон.

— Чистый лист... — повторила я.

Я не видела, как в этот момент Виктор отвел взгляд. Не видела, как он быстро удалил пришедшее на его телефон со-

общение от «Инны». Я верила ему. Я была как открытая рана, которую он заклеивал пластырем из лжи.

Я засыпала, уверенная, что мой муж — мой спаситель. Я еще не знала, что «депрессия», о которой он говорил, имела имя, фамилию и сорокалетний возраст. И что мой «чистый лист» уже залит грязью, которую он так старательно пытался выдать за спасительную пустоту.

В ту ночь мне снилось небо. Но не ясное и голубое, а черное, полное грозowych туч. И голос Виктора в наушниках, командующий: «Заходи на посадку, Аня. Полоса свободна».

Я не знала, что полоса была заминирована им самим.

Глава 6(Виктор)

(от лица Виктора)

Посадка в автоматическом режиме всегда кажется безопаснее, но только пилот знает, сколько систем должно работать безупречно, чтобы многотонная машина не превратилась в груды металлолома на полосе. Я ехал от Анны, и внутри меня пел гимн собственного величия. Десять лет стерты. Один удар о березу сделал то, на что не способны лучшие адвокаты мира — он вернул мне статус безупречного мужа, не лишив при этом молодой любовницы.

Но чем ближе я подъезжал к дому, где обосновалась Инна, тем тише становился этот гимн. В авиации есть понятие «сдвиг ветра» — внезапное изменение скорости и направления, которое может бросить самолет об землю в самый ответственный момент. Инна была моим личным сдвигом ветра.

Я припарковал машину, пару минут просто сидел, глядя на темные окна восемнадцатого этажа. Там ждала женщина, которой я пообещал рай, а принес... неопределенность.

В квартире пахло жареной рыбой и чем-то кислым. Инна сидела на кухне в своем любимом шелковом халате, который теперь едва сходил на талии. Перед ней стоял открытый ноутбук и пустая тарелка с остатками еды. Она не обернулась, когда я вошел. Только её плечо дернулось — острый,

хищный жест.

— Ну что, герой-спасатель? — голос её был пропитан ядом. — Как там наша страдальца? Бинты не жмут?

Я не спеша снял пальто, вешая его на плечики. В этой квартире я всегда чувствовал себя гостем, хотя платил за каждый квадратный сантиметр этой «дизайнерской» пустоты.

— Аня пришла в себя, — ответил я, проходя к холодильнику. Мне отчаянно хотелось пить. — Состояние стабильное.

— Я уже знаю, — она наконец развернулась, и я увидел её глаза. Злые, воспаленные, с плохо смытой тушью. — Марина выложила пост в соцсетях. «Мамочка, мы рядом, всё будет хорошо». И твоя физиономия на заднем плане, такая скорбная, что хоть сейчас в иконостас. Ты зачем там торчишь, Витя? Ты вещи перевез! Ты ушел!

Я сел напротив неё, чувствуя, как внутри закипает холодная, рассудительная ярость.

— Послушай меня внимательно, Инна. Произошло то, что в авиации называют форс-мажором. У Анны амнезия. Она не помнит последние десять лет. Совсем.

Инна замерла. Её рот смешно приоткрылся, а рука непроизвольно легла на живот.

— В смысле — не помнит? Она что, дурочкой стала?

— Она не дурочка. Она просто думает, что сейчас четыр-

надцатый год. Она не помнит нашу ссору, не помнит мой уход. И — что самое важное для тебя — она не помнит о твоём существовании.

Секундная тишина взорвалась хохотом. Инна откинулась на спинку стула, захлебываясь смехом, который больше походил на лай.

— Да это же праздник какой-то! Витенька, так это же идеально! Значит, завтра ты идешь к ней, пока она в этом своем розовом тумане, и подсовываешь ей бумаги на развод. Она же тебе верит? Вот и пусть подпишет отказ от имущества, пока не протрезвела!

Я посмотрел на неё с брезгливостью, которую уже не мог скрывать. Инна видела мир как меню в бизнес-классе: выбери, что нравится, и пусть стюард принесет. Она не понимала правил игры на земле.

— Ты хоть понимаешь, что ты несешь? — мой голос стал тихим и жестким. — Если я сейчас подсуну ей бумаги, её адвокаты и дети сожрут меня живьем. Врачи четко сказали: любое потрясение — и у неё случится отек мозга. Если она умрет или станет овощем сейчас, после моего «визита» с бумагами, я не получу ни копейки. Суд признает сделку недействительной, а меня — подонком, доведшим жену до смерти.

Инна осеклась. Её взгляд стал рыскающим. Она всегда была жадной, и угроза остаться без денег действовала на неё лучше любого успокоительного.

— И что ты предлагаешь? — буркнула она. — Снова играть в счастливую семью? А я? А наш сын? Он должен родиться в съемной квартире, пока ты там ей подушки поправляешь?

Я наклонился к ней, накрыв её ладонь своей. Мне нужно было, чтобы она поверила. Чтобы она затихла.

— Инна, девочка моя, включи мозг. Это наш шанс. Единственный. Анна сейчас — чистый лист. Она мне доверяет. Мне нужно время. Месяц, может, два. Пока она в больнице и пока будет восстанавливаться дома, я получу доступ ко всем её счетам. Я перепишу дачу и часть активов на доверенных лиц. Если она «вспомнит» всё позже — у неё уже ничего не будет. Мы оставим её нищей, но при этом я останусь в глазах общества героем, который не бросил больную жену. Понимаешь?

Я видел, как в её голове проворачиваются шестеренки. Ложь была чудовищной — я не собирался никого обкрадывать, мне просто нужно было вернуть свой уютный мир с Анной, придерживав Инну на коротком поводке. Но Инна верила в подлость, потому что сама была такой.

— Перепишешь счета? — она прищурилась. — А квартиру? Ту, пятикомнатную?

— И квартиру. Но это нельзя сделать за один день. Нужно, чтобы она сама, добровольно, начала переводить дела на меня. Она же думает, что у нас «идеальный брак». Она отдаст мне ключи от всех сейфов, стоит мне только попросить.

Инна молчала долго. Она мерила шагами кухню, и её шелковый халат шуршал, как змеиная кожа. Я видел, как она борется со своей ревностью и жадностью. Жадность побеждала.

— Месяц, — наконец сказала она, остановившись напротив меня.

— Что — месяц?

— Я даю тебе месяц, Витенька. Ровно тридцать дней на твои «махинации». Я буду сидеть здесь, как мышь под веником. Не буду звонить тебе при детях. Не буду постить наши фото. Но! — она ткнула в меня острым пальцем с безупречным маникюром. — Если через тридцать дней я всё ещё буду «бывшей коллегой» по телефону, а ты не принесешь мне документы на дом...

Она сделала паузу, и в её глазах мелькнуло что-то по-настоящему пугающее. Инна не была умной, но она была отчаянной. А отчаянная женщина с ребенком внутри — это граната с выдернутой чекой.

— Если через месяц ничего не изменится, я приду к ней в палату. Или домой. Прямо к вашей «святой» Анечке. Я сяду на край её кровати, Витя. Я покажу ей это, — она похлопала себя по животу. — И я дам ей почитать нашу переписку. За все три года. Каждое твоё «люблю», каждое твоё «она старая корга». Пусть её мозг взорвется от правды, мне плевать. Я не позволю тебе соскочить.

Я почувствовал, как во рту пересохло. Это был не «сдвиг

ветра». Это был полноценный ураган.

— Инна, не глупи. Ты же сама всё испортишь...

— Месяц, Витя! — она почти прошипела это мне в лицо.

— Срок пошел. А теперь уходи. Иди к своей «сорокалетней» Ане. Целуй её в бинты. Но помни: каждые сутки я зачеркиваю день в календаре. И мой сын не будет бастардом при живом и богатом отце.

Я вышел из квартиры, чувствуя, как пиджак прилип к спине. Воздух в подъезде показался мне обжигающе холодным.

Я сел в машину и посмотрел на свои руки. Они всё еще были твердыми, руками пилота. Но я понимал, что мой «идеальный план» только что превратился в гонку со смертью. У меня было тридцать дней, чтобы Анна не вспомнила правду, и тридцать дней, чтобы Инна не уничтожила мою ложь.

Я завел мотор. Мне нужно было вернуться в больницу. Там была Анна. Там была тишина, запах лекарств и взгляд женщины, которая любила меня без всяких условий. Там я снова был богом.

А здесь, за моей спиной, тикала бомба, часовой механизм которой я сам завел три года назад. И я не знал, хватит ли у меня высоты, чтобы катапультироваться, когда она взорвется.

Я поехал к Анне. К своей единственной безопасной гавани, которая на самом деле была самым опасным местом на земле. Ведь нет ничего страшнее, чем любовь женщины, которую ты предал, и которая об этом пока просто не помнит.

Глава 7

Две недели в больничной палате превратили меня в существо, живущее по расписанию капельниц и обходов. Стерильность стала моей новой кожей, а белый потолок — единственной картой мира. Но сегодня — выписка. Виктор везет меня домой. В моей голове — весна две тысячи четырнадцатого, в паспорте — пугающая цифра «пятьдесят», а за окном автомобиля — Москва, которая за десять выпавших из памяти лет обросла какими-то невозможными небоскребами и странными развязками.

Когда ключ повернулся в замке нашей квартиры, я замерла. В моей памяти наш дом был другим — теплым, немного хаотичным, с детскими кроссовками в прихожей и вечно сползающим ковриком.

Теперь меня встретил холодный глянец. Темный керамогранит, безупречно серые стены и тишина, от которой закладывало уши.

— Проходи, Анечка, — Виктор мягко подтолкнул меня в спину. — Мы тут немного всё обновили. Ты сама говорила, что минимализм помогает тебе отдыхать от клиники.

Я медленно прошла в гостиную. Каждое движение отзывалось тупой болью в ребрах — напоминание о кювете, березе и моей разбитой жизни. Я смотрела на мебель и не узнавала её. Где наш уютный велюровый диван? Где торшер с

абажуром, который мы покупали в Икее еще с маленьким Кириллом? Вместо них — огромный кожаный монстр и футуристические лампы, похожие на детали самолета.

— Это... не наш дом, Витя, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Здесь холодно. Как в операционной.

Виктор поспешно снял пальто. Он выглядел суетливым. Эта суета не вязалась с его образом невозмутимого командира. Он метался по прихожей, открывал окна, включал свет, словно пытался заполнить эту пустоту своим присутствием.

— Ты привыкнешь, родная. Это просто шок. Дети предлагали приехать, встретить тебя, но я решил, что первый вечер мы должны провести вдвоем. Тебе нужен абсолютный покой.

Я зашла в спальню. Здесь было еще меньше «меня». Кровать, заправленная стальным покрывалом, пустые прикроватные тумбочки. Я подошла к зеркалу — тому самому, которое в больнице стало моим личным врагом.

Пятьдесят лет. Я коснулась пальцами скул. Кожа была сухой, чужой. Взгляд — потухшим. Виктор стоял в дверях, наблюдая за мной. В его глазах я видела жалость. Для женщины, которая помнит себя сорокалетней и успешной, эта мужская жалость — хуже любого диагноза.

— Я сейчас приготовлю чай, — сказал он, слишком громко для этой мертвой тишины. — Ложись, Аня. Просто лежи.

Я села на край кровати. Голова закружилась. Чтобы не упасть, я оперлась руками о матрас и вдруг почувствовала, как ладонь скользнула по чему-то гладкому на полу.

Я наклонилась, преодолевая вспышку боли в боку. Прямо под краем тумбочки, наполовину скрытый ножкой, лежал небольшой листок бумаги. Термобумага. Характерный глянце-цевый блеск.

Мой профессиональный инстинкт сработал раньше, чем включилось сознание. Я знала эту фактуру. Тысячи раз я держала такие листки в руках, отдавая их счастливым или испуганным женщинам.

Это был снимок УЗИ.

Я вытянула его двумя пальцами. Мои глаза, привыкшие читать черно-белые тени как открытую книгу, мгновенно сфокусировались. Матка. Плодное яйцо. Эмбрион. КТР соответствует шестнадцати неделям.

Сердце пропустило удар, а потом забило в самом горле. — Витя... — позвала я. Мой голос сорвался.

Он появился в дверях мгновенно. Словно караулил. В руках он сжимал кухонное полотенце. Его взгляд упал на мои руки, и я увидела, как его лицо из бледного стало землистым.

— Что это? — я подняла снимок. — Витя, посмотри на дату. Здесь... здесь стоит дата две недели назад. Чей это снимок? И почему он в нашей спальне?

В моей памяти Марина — шестнадцатилетний подросток с брекетами. Но я уже видела её в больнице. Она взрослая.

Ей двадцать шесть.

— Марина? — я посмотрела на мужа, и в моей груди за-теплелась надежда. — Витя, наша Марина ждет ребенка? Она беременна? Поэтому я разбилась? Мы поспорили из-за её ранней беременности?

Виктор сделал шаг ко мне. Быстрый, решительный. Он не взял снимок, он буквально вырвал его из моих пальцев. Его движения были резкими, почти грубыми.

— О чем ты, Аня? Какой снимок? — он скомкал бумагу в кулаке, пряча руку за спину.

— Тот, что ты сейчас забрал! — я попыталась встать, но мир поплыл перед глазами. — Витя, я врач! Я видела плод. Шестнадцать недель. И логотип клиники... «МедЛайн». Я никогда там не работала, но я знаю их бланки. Марина беременна?

Виктор тяжело опустился на стул напротив меня. Он закрыл глаза и судорожно выдохнул. Когда он снова посмотрел на меня, в его взгляде была такая невыносимая, густая печаль, что мне стало страшно.

— Анечка... — он потянулся к моей руке своей свободной ладонью. Вторая рука, со скомканным листком, всё еще была скрыта в кармане его брюк. — Доктор предупреждал. Галлюцинации. Ложные воспоминания. Подмена реальности.

— Что ты несешь? Я его видела! Я чувствовала пальцами эту бумагу!

— Аня, посмотри на свою руку.

Я посмотрела на свои пальцы. Они дрожали. На них не было ничего, кроме бледной кожи и следа от пластыря.

— Ты ничего не поднимала, родная, — голос Виктора был тихим, баюкающим, как у гипнотизера. — Ты просто потянулась к тумбочке, замерла, а потом начала кричать про какой-то снимок. Твой мозг... он пытается заполнить пустоту привычными образами. Ты гинеколог. Ты видела тысячи УЗИ. Твой разум подсовывает тебе знакомые картинки, чтобы не сойти с ума от тишины.

— Нет... — я мотнула головой. — Нет, Витя. Я видела цифры. Шестнадцать недель. КТР пятьдесят два миллиметра. Я не могла это выдумать!

Виктор медленно достал руку из кармана. Ладонь была пуста. Он показал мне её — чистую, широкую ладонь пилота, которой я привыкла верить больше, чем себе.

— Видишь? Ничего нет. Марина не беременна. Она вообще сейчас не думает о семье, у неё карьера, перелеты... Анечка, это страшно, я знаю. Но тебе нужно принять: твой мозг сейчас не самый надежный свидетель.

Я чувствовала, как внутри меня что-то обрывается. Если я не могу доверять собственным глазам, то чему я вообще могу доверять? Неужели я настолько разрушена? Неужели авария превратила меня в безумную старуху, которая видит призраков нерожденных детей в пустой спальне?

— Я... я схожу с ума? — слезы, которые я так долго сдер-

живала, наконец брызнули из глаз.

— Нет, ты просто выздоравливаешь, — он пересел ко мне на кровать, обнял, прижал мою голову к своему плечу. — Это переходный период. Депрессия, наслоившаяся на травму. Доктор выписал тебе рецепт, помнишь?

Он достал из другого кармана сложенный вчетверо листок. Я развернула его. «Сертралин». Антидепрессант. Выписан на моё имя месяц назад. Печать моей же клиники.

— Ты принимала их до аварии, — прошептал Виктор мне в волосы. — У тебя был очень тяжелый период. Климакс, эмоциональное выгорание... Тебе казалось, что все вокруг лгут, что жизнь прошла мимо. Этот снимок... он тебе уже чудился тогда, месяц назад. Ты везде искала подтверждение своей ненужности.

Я уткнулась носом в его рубашку. Пахло его парфюмом — знакомым, кедровым, надежным. Я была раздавлена. Если рецепт настоящий (а он выглядел абсолютно настоящим, с подписью моей коллеги Натальи), значит, Виктор прав. Значит, я давно была «не в себе».

— Прости меня... — всхлипнула я. — Прости, Витя. Я такая обуза для тебя.

— Тише, тише... Ты — моя жизнь. Мы со всем справимся.

Он уложил меня на подушки, поцеловал в лоб и вышел «заварить чай».

Я лежала, глядя на пустую серую стену. Внутри всё нило.

Логика врача боролась с ощущениями женщины. Рецепт был идеально ровным. Свежим. А тот снимок... я ведь видела, как он его комкал. Мои глаза зафиксировали движение кисти, характерный хруст бумаги.

Я дождалась, когда на кухне зашумит вода. Преодолевая слабость, я сползла с кровати. Мой взгляд снова упал на то место у тумбочки. Пусто. Чистый, отполированный керамогранит.

Я подошла к шкафу, где висел пиджак Виктора. Трясушимися руками я обшарила карманы. Пусто. Только чек из аптеки и связка ключей.

Может быть, он действительно прав? Может быть, это мой разум, измученный десятилетней лакуной, играет со мной в злые игры?

Я вернулась в постель. Виктор вошел с подносом. Чай с мелиссой, галетное печенье — всё по списку «для выздоравливающих». Он поил меня с ложечки, как ребенка, и в его глазах была такая безграничная забота, что мне стало стыдно за свои подозрения.

Я уснула быстро, убаюканная его тихим голосом, рассказывающим мне о нашем «счастливом» четырнадцатом годе.

Я не видела, как спустя час Виктор зашел в кабинет, закрыл дверь на замок и достал из кармана брюк плотный комок бумаги. Он не выбросил его в ведро. Он достал зажигалку и долго смотрел, как в пепельнице чернеет и скручивается снимок УЗИ шестнадцатинедельного плода. Плод Инны.

Его последний шанс на молодость.

Виктор смотрел на пепел и чувствовал себя богом, который только что совершил идеальный маневр. Он стер улику. Он убедил жену в её безумии. Его полет продолжался, и небо снова казалось ему ясным.

Глава 8

В спальне пахло новой жизнью — лавандовым кондиционером для белья, дорогой мазью от ушибов и чем-то еще, что Виктор называл «ароматом уюта», а я — запахом застоя. Две недели в больнице приучили меня к стерильности белых простыней и четкому ритму капельниц. Теперь, оказавшись в нашей — или уже не нашей? — квартире, я чувствовала себя как глубоководная рыба, которую внезапно вытащили на поверхность. Глаза слезились от мягкого света ламп, а кожа чесалась от соприкосновения с шелком пижамы.

Я сидела перед зеркалом, методично втирая крем в кисти рук. Пальцы были тонкими, с выступающими венами — руки опытного хирурга, которые за десять потерянных лет стали мудрее, но и старше. Мой взгляд упал на тумбочку. Там, рядом со стаканом воды, лежал рецепт на «Сертралин». Виктор сам привез его из аптеки.

— Анечка, ты скоро? — его голос донесся из-под балдахина кровати.

В этом голосе была та самая обволакивающая теплота, которую я помнила по «своему» четырнадцатому году. Голос человека, который никогда не подведет. Я закрыла глаза, пытаясь вызвать в памяти образ того Виктора — подтянутого, с легкой проседью, пахнущего небом и надеждой. Но когда я открывала глаза, в зеркале отражался седой старик с уста-

лыми глазами, который смотрел на меня с какой-то жадной, почти пугающей нежностью.

Я проглотила таблетку. Горький вкус на мгновение осел на языке. Виктор говорит, что я принимала их давно. Что я была «не в себе». Почему же тогда мой медицинский мозг, сохранивший все знания об анатомии и фармакологии, так отчаянно сопротивлялся этой мысли?

Я легла в постель. Матрас поддался под моим весом, принимая меня в свои объятия. Виктор тут же придвинулся ближе. От него пахло дорогим одеколоном и... апельсинами. Тот самый запах, который я заметила еще в больнице.

— Помнишь, как мы праздновали твой сороковой день рождения? — прошептал он, накручивая прядь моих волос на палец. — Ты тогда была в том красном платье, которое я тебе привез из Парижа. Мы танцевали до утра в «Метрополе». Ты смеялась, Аня. Я так хочу, чтобы ты снова так смеялась.

Я слушала его, и в голове послушно всплывали картинки. Красный шелк, вкус шампанского, музыка. Да, я это помнила. Это было ярко, тепло, правильно. Но почему сейчас, когда он рассказывал об этом, у меня возникало ощущение, что я слушаю аудиокнигу, начитанную профессиональным диктором? Красиво, убедительно, но... не моё.

— Я очень устала, Вить, — тихо ответила я, глядя в потолок. — Всё такое странное. Как будто я смотрю фильм о себе, но не могу вспомнить слова роли.

— Это пройдет, — он поцеловал меня в висок. — Доктор сказал, что нужно восстанавливать ассоциативные связи. И... физическую близость тоже. Тело помнит больше, чем мозг, Анечка. Доверься мне.

Он положил руку мне на талию. Его ладонь была горячей, влажной. И в ту же секунду, как его пальцы коснулись моей кожи через тонкую ткань пижамы, меня прошиб холодный пот. Это было похоже на удар током. Мой желудок сжался в тугий узел, а к горлу подступила такая резкая тошнота, что я едва не вскрикнула.

В гинекологии мы называем это психосоматическим блоком. Но когда это случается с тобой, с твоим «любимым» мужем, это кажется безумием.

Виктор, не замечая моего оцепенения, придвинулся еще ближе. Его дыхание коснулось моей шеи. Он начал целовать меня — привычно, так, как он делал это тысячи раз за двадцать пять лет нашего брака. В ямку над ключицей, за ухом...

Я замерла. Мой разум кричал: «Это твой муж! Твой Витя! Ты его любишь!». Но моё тело... оно жило своей, отдельной жизнью. Мои мышцы каменели. Кожа покрылась «гусиной кожей», но не от удовольствия, а от какого-то первобытного ужаса. Мне казалось, что ко мне прикасается кто-то бесконечно чужой. Даже не враг — просто посторонний, неприятный объект.

Когда его губы коснулись моих, я не выдержала. Я резко,

почти грубо, оттолкнула его и села на кровати, хватая ртом воздух.

— Аня? Что случилось? — Виктор испуганно приподнялся на локте. В его глазах на мгновение мелькнуло раздражение — быстрое, как вспышка на горизонте, но оно было. А потом он снова надел маску заботливого опекуна. — Тебе больно? Ребра?

— Тошнота... — выдохнула я, прижимая ладонь к груди. — Витя, прости. У меня всё кружится. Наверное, это таблетки. Или просто... слишком много всего для первого дня.

Я видела, как он сжал челюсти. Его «идеальный план» возвращения в семейную идиллию только что потерпел крушение на взлетной полосе. Но Виктор был опытным пилотом. Он умел справляться с отказавшими двигателями.

— Конечно, родная. Прости меня, я эгоист, — он сел рядом и погладил меня по спине. Я вздрогнула, но заставила себя не отстраняться. — Я так соскучился по тебе, что совсем потерял голову. Спи. Я просто буду рядом. Положи голову мне на плечо.

— Нет, лучше на подушку, — быстро сказала я. — Мне нужно, чтобы голова была выше. Так меньше кружится.

Он послушно поправил мне подушку. Его взгляд был тяжелым, изучающим. Он смотрел на меня не как на жену, а как на пациента, который внезапно начал выдавать нетипичные симптомы.

— Спокойной ночи, Анечка.

— Спокойной ночи, Витя.

Он отвернулся к стене. Через некоторое время его дыхание стало ровным и тяжелым. Он спал. Или мастерски делал вид.

Я осталась лежать в темноте, прислушиваясь к звукам ночного города за окном. Машины шуршали шинами по асфальту — там, где-то в двух неделях пути назад, была трасса, ливень и свет фар. Почему мой мозг стер аварию, но оставил это чувство гадливости?

Я подняла руки перед собой. В тусклом свете уличного фонаря мои ладони казались бледными, почти прозрачными. Они горели. Кожа зудела, словно я только что прикоснулась к чему-то липкому, нечистому. Я вспомнила снимок УЗИ, который «мне причудился». Вспомнила рецепт, который был подозрительно новым.

Мой медицинский опыт подсказывал: амнезия не стирает инстинкты. Если собака один раз обожглась о плиту, она будет обходить её стороной, даже если забудет сам момент ожога. Моё тело — мой самый честный свидетель — кричало мне, что этот человек в постели опасен. Что его ласка — это ловушка.

Я осторожно, чтобы не разбудить Виктора, сползла с кровати и на цыпочках вышла в коридор. Дошла до ванной, закрыла дверь и включила воду.

Я терла ладони с мылом долго, до красноты. Мне хотелось смыть невидимую грязь, смыть запах апельсинов, который

теперь преследовал меня повсюду. Я смотрела на свои руки и понимала: Виктор может врать мне сколько угодно. Он может подделывать рецепты, прятать снимки и выдумывать истории про 2014-й год. Но он не может договориться с моей нервной системой.

Моё тело помнило правду. Оно помнило то, что мой разум милосердно заблокировал.

Я вернулась в спальню. Виктор спал, слегка посапывая. На тумбочке светился его телефон. Внезапно экран вспыхнул. Пришло сообщение.

Я замерла в дверях. Свет экрана выхватил из темноты его лицо — расслабленное, незащищенное, с глубокими складками у рта. В этот момент он не казался мне «капитаном». Он казался... старым, запутавшимся в своей лжи человеком.

Я не подошла к телефону. Я побоялась. Не того, что он проснется, а того, что я увижу там имя, которое окончательно разрушит мою хрупкую иллюзию спокойствия.

Я легла на самый край кровати, спиной к нему. Ладони всё ещё зудели. Я знала, что завтра мне снова придется играть роль «счастливой Анечки», но сегодня я впервые осознала: я не в безопасности. Мой дом — не моя крепость. Мой муж — не мой защитник.

Я засыпала с ощущением, что нахожусь на борту самолета, который летит в полную неизвестность, а за штурвалом сидит человек, который только что стер все навигационные карты. И единственное, чему я могла верить — это дрожь в

моих собственных руках.

Тело не лжет. И эта мысль была страшнее любой амнезии.

Глава 9(Виктор)

(от лица Виктора)

В авиации есть такое понятие — «точка возврата». Это когда топлива в баках остается ровно столько, чтобы дотянуть до аэродрома вылета, но если пролетишь еще хоть милю — придется садиться в чистом поле или падать. Глядя на Анну через кухонный стол, я понимал: свою точку возврата я проскочил еще три года назад, когда впервые позволил Инне расстегнуть верхнюю пуговицу моей форменной рубашки в отеле Бангкока.

Утро было ясным, солнечным, вызывающе мирным. Анна сидела напротив, тонкая, бледная, в своем шелковом халате, который теперь висел на ней, как на манекене. Она помещивала чай, и звон ложечки о фарфор казался мне ударами молота по наковальне.

После вчерашнего провала в спальне между нами выросла стена. Я чувствовал себя уязвленным. Я — капитан, мужчина, который привык, что небо подчиняется его воле, был отвергнут собственной женой, как какой-то неприятный незнакомец. Её тело выдало ошибку, «ред флаг», который я не смог проигнорировать. Она не просто «устала». Она содрогнулась от моего прикосновения, словно я был куском льда или склизкой медузой.

— Витя, ты какой-то хмурый, — тихо сказала она, не под-

нимая глаз. — Давление?

— Всё в норме, Анечка. Просто плохая ночь. Думал о делах в клинике. Ты ведь знаешь, там без тебя всё идет наперекосяк.

Я врал, как дышал — ровно и уверенно. На самом деле я думал о цифрах. Жизнь на два фронта пожирала мои пенсионные накопления со скоростью форсажа. Инна требовала не просто внимания, она требовала инвестиций в наше «светлое будущее». А счета Анны, её доля в частной клинике, её инвестиционные портфели — всё это было закрыто для меня. В 2014-м, в котором она сейчас жила, мы были единым целым. Но юридически... юридически мне нужна была её подпись. Генеральная доверенность.

Мне нужно было убедить её, что в «пятидесятилетней» реальности, которую она еще не до конца приняла, бюрократия стала агрессивнее, и я должен оберегать её от бумажной волокиты.

— Тебе нужно отдохнуть, — продолжал я, накрывая её ладонь своей. В этот раз она не отдернула руку, но я почувствовал, как её пальцы на мгновение напряглись. — Я займусь всеми документами. Налоговая, счета, страховка после аварии... Тебе не стоит забивать этим голову. Просто подпишешь пару бумаг, которые привезет мой юрист, хорошо?

— Документы? — она нахмурилась, и я увидел, как её медицинский, аналитический мозг пытается включиться в работу. — Разве у нас не было перекрестных доверенностей?

Я помню, мы оформляли их перед той поездкой в Штаты...

Черт. Она помнит детали из «прошлого», которые сейчас только мешали.

— Срок истек, родная. Ты же знаешь наши законы — всё меняется. Я обновлю бумаги, чтобы у тебя не болела голова.

Она кивнула. Вяло, доверчиво.

— Хорошо, Вить. Как скажешь. Я тебе верю.

От этих слов мне стало тошно. «Я тебе верю». Самая опасная фраза, которую может услышать лжец. Она как чека в гранате — пока она на месте, ты в безопасности, но стоит ей выпасть...

Через час я уже был в машине. Путь к Инне всегда казался мне полетом в другую реальность. Если дома у Анны была стерильность, лаванда и тихие разговоры о вечном, то у Инны был хаос, запах подгоревшего тоста и вечные претензии.

Я поднялся на восемнадцатый этаж. Инна открыла дверь, даже не потрудившись надеть халат — она была в растянутой майке, из-под которой отчетливо проглядывал округлившийся живот. Её лицо было припухшим, взгляд — колючим.

— Семь дней, Витенька, — вместо приветствия бросила она, проходя на кухню. — Одна неделя из четырех. Песочек в часах сыплется, а я всё ещё живу в этой бетонной конуре.

— Инна, здравствуй, — я попытался обнять её, но она ловко увернулась, гремя чашками.

— Не надо меня лапать. У меня токсикоз и плохое настро-

ение. Ты привез деньги? Юрист звонил, застройщик требует подтверждения брони на дом в Ильинском. Если через три дня не будет задатка, дом уйдет.

Я сел на неудобный дизайнерский стул. В этой квартире я всегда чувствовал себя старым. Не «мудрым капитаном», а просто старым человеком, который не вписывается в этот интерьер из стекла и глянца.

— Анна только вчера вернулась домой. Мне нужно время, чтобы она подписала доверенность. Я не могу просто подойти и сказать: «Слушай, дай мне доступ к своим миллионам, я хочу купить дом для стюардессы».

— А ты скажи! — она обернулась, её глаза сверкнули. — Ты же у нас такой смелый! «Отработанный ресурс», помнишь? Ты так красиво пел мне в постели, как ты её ненавидишь за её правильность. А теперь что? Увидел её в бинтах и растаял?

— Замолчи, — мой голос стал стальным. — Я делаю всё, чтобы у нас и у нашего сына было будущее. Но если я сейчас сорвусь, мы останемся ни с чем. Анна — не дура. Даже с амнезией она остается врачом высшей категории. У неё чутье на ложь.

Инна подошла ко мне, опустилась на колени между моих ног и положила голову мне на бедро. Эта резкая смена гнева на покорность всегда меня подкупала, хотя я знал, что это всего лишь очередная фигура высшего пилотажа.

— Прости, — прошептала она. — Просто я боюсь. Боюсь,

что ты вернешься к ней. Что эта её «болезнь» — просто способ тебя удержать. Она ведь хитрая, Витя. Она знает, как тобой манипулировать.

Я погладил её по волосам. Они были жесткими от лака, совсем не такими, как мягкие, пахнущие аптекой волосы Анны.

— Она ничего не знает, Инна. Она в ловушке собственного мозга. Для неё я — бог. И я использую это, чтобы получить то, что принадлежит нам. Потерпи. Еще немного.

Я пробыл у неё два часа. Давал обещания, целовал живот, в котором толкался мой «шанс на бессмертие», и чувствовал, как внутри меня натягивается невидимая струна. Я рывался. Дома меня ждал покой, который был куплен ценой чудовищной лжи, а здесь — страсть, перемешанная с вымогательством.

Я уже стоял в дверях, надевая пальто, когда Инна вдруг замерла, хитро прищурившись.

— Кстати, Витенька... чуть не забыла. Я тут посоветовалась с девчонками. Мне пора вставать на учет. Скрининг, анализы, все дела.

— Да, конечно. Я найду лучшую клинику...

— Не надо искать, — она улыбнулась, и эта улыбка мне очень не понравилась. — Я уже записалась. В «вашу» клинику. На Покровке.

Я почувствовал, как сердце пропустило удар.

— В клинику Анны? Ты с ума сошла?! Там её все знают! Каждая уборщица!

— Именно поэтому, — Инна небрежно поправила майку. — Там лучшее оборудование в городе. И я хочу, чтобы мой сын получил всё самое лучшее с первых недель. Я записалась к доктору Самойловой. На следующую среду, в десять утра.

— К Самойловой?! — я едва не закричал. — Наталья — лучшая подруга Анны! Они тридцать лет вместе! Она узнает тебя, Инна! Ты же была у них на приеме три года назад!

— Ну и что? — она пожала плечами. — Мало ли у них пациентов. Думаешь, она помнит лицо каждой стюардессы? А если и узнает — что она скажет? «Ой, вы спите с мужем моей подруги»? Она профессионал, Витя. Она будет молчать и делать свою работу. За мои... то есть за твои деньги.

Я схватил её за плечи, встряхнул.

— Ты не пойдешь туда! Это риск! Анна может зайти в кабинет, она порывается вернуться к работе!

— А ты сделай так, чтобы она не зашла, — Инна холодно отстранилась. — Ты же у нас мастер маскировки. Придумай ей обследование в другой день. Или просто запри её дома. Мне плевать, Витя. Я иду в лучшую клинику. И это не обсуждается. Если ты попытаешься мне помешать... я запишусь лично к Анне Павловне. Думаю, ей будет интересно посмотреть на мой плод.

Она захлопнула дверь перед моим носом.

Я остался стоять на лестничной площадке, глядя на закрытую дверь. В ушах звенело. Это была не просто зона турбулентности. Это был отказ всех систем. Инна шла на таран. Она специально провоцировала ситуацию, проверяя меня на прочность, загоняя в угол, где у меня не оставалось иного выбора, кроме как стать окончательным подонком.

Самойлова. Наталья. Женщина, которая знала об Анне всё. Если она увидит Инну, если она сопоставит даты... Но с другой стороны, может Анна не успела ей ничего рассказать, ведь она сразу после нашей ссоры уехала на дачу...

Я вышел на улицу, жадно глотая холодный воздух. Мне нужно было что-то предпринять. Срочно. До среды оставалось всего три дня. Три дня, чтобы удержать Анну дома и сделать так, чтобы Наталья Самойлова не увидела в пациентке Инне любовницу мужа своей лучшей подруги.

Я сел в машину, но не завел мотор. Руки дрожали. Я посмотрел на себя в зеркало. Взгляд загнанного зверя. Где тот уверенный в себе пилот, который три дня назад считал амнезию жены подарком небес?

Небо закрывалось. Впереди была сплошная стена грозовых облаков, и я понимал: мягкой посадки не будет. Будет только кровь, обломки и тишина.

И самое страшное — я сам проложил этот курс.

Глава 10

Запах ванили и сливочного масла — это самый надежный маркер дома. В моем «вчерашнем» мире, который на самом деле закончился десять лет назад, это был аромат субботнего утра. Я стояла у плиты, выкладывая на противень ровные кругляши песочного печенья. Кирилл обожал его еще теплым, запивая ледяным молоком прямо из пакета, за что я всегда его журила.

На мне было то самое серое платье, которое Виктор называл «домашним». В зеркале прихожей я видела в нем не себя, а какую-то уставшую тень, облаченную в чехол. Но я послушно застегнула все пуговицы. Сейчас я была готова на любую маскировку, лишь бы вернуть ощущение правильности. Лишь бы те двое взрослых людей, которые сейчас нажмут на кнопку звонка, снова стали моими маленькими, понятными детьми.

— Анечка, ты чудо, — Виктор вошел в кухню, потирая руки.

Он выглядел так, будто готовился к выходу на сцену Большого театра. Каждая складка на его рубашке была выверена, каждый жест — отрепетирован. Он подошел к столу, взял одно печенье и прикусил его, одобрительно кивнув.

— Кирюха оценит. Он хоть и вырос, но всё такой же сладкоежка.

«Кирюха». «Вырос». Эти слова кололи меня, как рассыпавшиеся иголки. В моей памяти Кириллу одиннадцать. У него вечно сбиты коленки, он коллекционирует карточки с футболистами и пахнет солнцем и немытыми яблоками. А Марине шестнадцать. Она — колючий подросток в брекетах, который прячет за дерзостью страх перед выпускными экзаменами... Взрослые дети... Они приходили ко мне в клинику, но я до сих пор не могу поверить, что они такие большие, они ассоциировались у меня с подростками десятилетней давности...

Раздался звонок. Я вздрогнула, едва не выронив лопатку. — Иди, родная, встречай, — Виктор мягко подтолкнул меня к дверям, но сам пошел впереди, словно расчищая путь.

Дверь открылась. В прихожую вошли двое.

На мгновение у меня перехватило дыхание. Это было похоже на эффект «зловещей долины» в робототехнике — когда копия слишком похожа на оригинал, но в ней есть что-то пугающе чужое.

Марина. Это была Марина, но... другая. Вместо девочки с хвостиком передо мной стояла высокая, статная женщина. На ней был темно-синий костюм авиакомпании — юбка до колен, приталенный жакет, на шее — аккуратно повязанный платок. Она выглядела как молодая версия Виктора в женском обличье. Холодный, аналитический взгляд, безупречная осанка. Она не бросилась мне на шею. Она замерла, и я

увидела в её глазах такую густую, невыносимую жалость, что мне захотелось закричать.

— Здравствуй, мам, — её голос был низким, уверенным. Голосом взрослой женщины, которая привыкла принимать решения.

А за её спиной стоял он. Мой «маленький» Кирилл. Он был выше отца. Широкоплечий, в простом худи, с короткой бородкой, которая делала его похожим на какого-то сурового путешественника. Его взгляд метался по моему лицу, словно он искал там подтверждение какой-то страшной догадки.

— Привет, мам... — он сделал шаг вперед, и его голос, этот густой бас, окончательно разрушил мои иллюзии.

Я сделала то единственное, что подсказал мне инстинкт: я потянулась к нему, чтобы обнять, как обнимала всегда. Я хотела уткнуться носом в его макушку, вдохнуть тот самый детский запах. Но когда я прижалась к нему, моя голова оказалась на уровне его груди. Я уткнулась в жесткую ткань толстовки, от которой пахло мужским парфюмом — чем-то древесным, терпким.

Я почувствовала, как Кирилл весь напрягся. Его тело под моими руками было жестким, как каменная стена. Он не обнял меня в ответ сразу. Была долгая, мучительная пауза, прежде чем его руки осторожно, словно боясь сломать, коснулись моих лопаток.

— Ну что вы, как на поминках! — голос Виктора разрезал тишину, как фальшивая нота. Он буквально вклинился

между нами, похлопывая Кирилла по плечу. — Мама дома, мама поправляется! Идемте к столу, там печенье, как в старые добрые времена!

Мы прошли в гостиную. Я шла как в тумане, боясь задеть этих «новых» детей. Марина села на край дивана, сложив руки на коленях. Она осматривала комнату так, будто видела её впервые. Или наоборот — будто знала здесь каждый угол, но этот угол ей не нравился.

— Мам, ты как себя чувствуешь? — спросила она, и я заметила, как она нервно поправляет обручальное кольцо на пальце.

Кольцо. Моя Марина замужем. А я не помню её свадьбы. Я не помню, кто этот человек, который стал её мужем. Я не помню, плакала ли я от радости или от грусти в тот день. Десять лет жизни просто выпали, оставив на своем месте зияющую рану.

— Голова еще кружится, — ответила я, садясь в кресло. — И... мне всё время кажется, что я в гостях. Марина, ты... ты работаешь в авиакомпании?

— Да, — она коротко кивнула. — В логистике. Папа помог на старте, теперь я сама. У меня всё по графику, мам. Всё под контролем.

Она произнесла это «под контролем» так, будто это была её главная мантра. Я посмотрела на Виктора. Он сиял. Он выглядел как гордый владелец элитного автопарка.

— А ты, Кирюша? — я перевела взгляд на сына. — Ты

ведь... ты ведь хотел строить дома? Помнишь, как ты из Лего возвел целый город на ковре?

Кирилл горько усмехнулся. Он взял печенье с тарелки, покрутил его в пальцах и положил обратно.

— Я заканчиваю архитектурный, мам. Диплом через месяц. Ты... ты всегда говорила, что у меня талант к проектированию.

— Всегда говорила... — эхом отозвалась я. — Значит, я это помнила. А теперь — нет.

Наступила тяжелая тишина. Было слышно, как на кухне тикают часы. Виктор суетился, разливал чай, предлагал варенье, но его бодрость казалась мне наждачной бумагой, которая сдирает кожу с этой и без того болезненной ситуации.

— Вить, принеси, пожалуйста, тот альбом с фотографиями из шкафа в кабинете, — вдруг сказала я. — Мне нужно посмотреть. Мне нужно увидеть, как это было.

Виктор на мгновение замер. Его рука с чайником задрожала.

— Анечка, доктор сказал — никаких лишних нагрузок. Давай не сегодня. Альбомы — это стресс.

— Я хочу, Витя, — я посмотрела на него твердо. Это был взгляд врача, не терпящего возражений.

Он поджал губы, бросил быстрый, предостерегающий взгляд на детей и вышел. Его шаги стихли в коридоре.

Мы остались втроем. Тишина стала другой — густой и колючей. Марина отвела глаза, начав изучать свои идеальные ногти. А Кирилл... Кирилл вдруг подался вперед. Он сидел на низком пуфике прямо передо мной.

— Мам, — прошептал он. Его голос вибрировал от сдерживаемого напряжения. — Как ты на самом деле?

— Я не знаю, Кирюша. Мне кажется, что я сплю. И что этот сон затянулся.

Он схватил мою руку. Его ладонь была горячей и сухой.

— Мам, слушай меня. Только быстро. Пока он не вернулся.

Я замерла. Внутри всё похолодело.

— Что, Кирилл? Что случилось?

Он оглянулся на дверь, потом придвинулся почти вплотную. Его глаза, такие знакомые, мои глаза, сейчас были полны отчаяния.

— Не верь ему, мам. Не верь ни одному его слову. Он устроил этот спектакль только для того, чтобы...

— Кирюша, о чем ты? — я почувствовала, как пульс застучал в висках.

— Он всё врет! — Кирилл перешел на яростный шепот. — Про аварию, про «счастливый брак», про то, почему ты уехала ночью. Мам, он не тот, кем хочет казаться. Спроси его про его «работу». Спроси про...

Он не успел договорить.

— А вот и наш архив! — Виктор ворвался в комнату с тяжелым томом в руках. Его голос был неоправданно громким, он буквально ввинтился между мной и сыном. — Кириуха, ты опять грузишь мать своими проблемами в универе? Я же просил!

Кирилл мгновенно отстранился. Его лицо снова стало непроницаемой маской. Он встал, поправляя худи.

— Мне пора, — коротко бросил он. — Дела.

— Куда ты? Мы же еще даже чай не допили! — Виктор попытался его удержать, но Кирилл лишь холодно кивнул Марине и пошел к выходу.

— Мам, — он обернулся в дверях. — Просто... будь осторожна. Хорошо?

Он ушел, громко хлопнув дверью. Марина тоже встала.

— Мне тоже пора, пап. Рейс через три часа, нужно быть в порту. Мам, поправляйся.

Она поцеловала меня в щеку — холодное, формальное прикосновение. Спустя минуту в квартире снова воцарилась тишина, но теперь она была отравленной.

Виктор стоял у окна, глядя вслед уезжающим машинам. Его плечи были напряжены.

— Молодежь... — проворчал он. — Никакого уважения к традициям. Совсем одичали, пока ты была в больнице. Аня,

не слушай Кирилла. У него сейчас сложный период, экзамены, гормоны... он сам не знает, что несет.

Он подошел ко мне и положил руку на плечо.

— Тебе пора принять лекарство, Анечка. Ты побледнела. Идем, я помогу тебе лечь.

Я послушно встала. Но внутри меня, где-то в самой глубине, там, куда не дотянулась амнезия, поселился крошечный, холодный зародыш подозрения. «Не верь ему». «Он всё врет».

Слова сына крутились в голове, как заевшая пластинка. Я посмотрела на Виктора — на его доброе, заботливое лицо, на его седину. Он казался воплощением надежности. Но почему тогда мои ладони снова начали гореть, а к горлу подкапала та самая тошнота, которую я почувствовала ночью?

— Да, Витя, — тихо сказала я. — Лекарство. И... покой.

Я шла в спальню, чувствуя себя так, будто иду по тонкому льду. Мой мир 2014 года начал трещать. И я знала, что завтра я сделаю то, чего Виктор боится больше всего.

Я выйду из этой квартиры. Я поеду в свою клинику. И я найду там ту женщину, которой я была все эти десять лет. Потому что только она может сказать мне правду, которую от меня так старательно прячут за запахом ванили и фальшивыми улыбками.

Я закрыла глаза, и передо мной снова вспыхнул экран телефона из моего сна. Сообщение, которое я не могла прочи-

тать, но которое уже начинало выжигать во мне дыру. «Он врет».

Теперь я знала это наверняка. Осталось только понять — почему.

Глава 11

Утро пахло заговором. Виктор ушел по делам — какая-то встреча в совете ветеранов авиации, или очередной «пенсионный вопрос», — и квартира, лишенная его давящей заботы, внезапно стала просторнее. Я стояла в прихожей, глядя на свое отражение. На мне был бежевый плащ, который я нашла в недрах шкафа, и туфли на устойчивом каблуке.

«Не верь ему. Он всё врет».

Слова Кирилла, произнесенные вчера шепотом, выжгли во мне дыру. Мой сын не стал бы бросаться такими фразами просто так. В моем «вчера» он был честным мальчиком, который не умел лгать даже ради спасения от плохой оценки. Значит, сейчас, став мужчиной, он тем более не стал бы играть в прятки с правдой.

Я нащупала в кармане ключи от машины. Тяжелый брелок с логотипом «Мерседеса». В моей памяти у меня была скромная «Хонда», рабочая лошадка для поездок в государственную больницу. Но Виктор сказал, что я давно перешла в частный сектор и «балую себя».

Спуск на лифте казался вечностью. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Я выходила на свободу, но чувствовала себя преступницей, совершающей побег.

Паркинг встретил меня прохладой и запахом бетона. Я нажала на кнопку, и одна из машин отозвалась коротким,

приветливым звуком. Белый внедорожник. Огромный, пахнущий новой кожей и каким-то очень дорогим освежителем. Я села за руль, и на мгновение у меня перехватило дыхание. Приборная панель светилась, как кабина истребителя. Кнопки, сенсоры, огромный монитор вместо привычных циферблатов.

Десять лет. Эти десять лет изменили даже то, как мы управляем машинами.

Я завела мотор. Он отозвался мощным, едва слышным рычанием. Так, Анна Павловна, дышим ровно. Педаль тормоза, селектор передач... Я действовала на инстинктах. Тело помнило то, что мозг решил заблокировать.

Я выехала на улицу и тут же затормозила. Москва. Мой город, который я знала до каждого переулочка, превратился в лабиринт. Где раньше был пустырь — теперь высились стеклянные башни-иглы. Там, где я привыкла сворачивать к клинике, теперь висел кирпич и стояла новая эстакада.

— Куда едем? — раздался приятный женский голос из недр приборной панели.

Я вздрогнула. Навигатор.

— На Покровку, — произнесла я, чувствуя себя героиней фантастического фильма. — Клиника «МедЭстетик».

Машина послушно проложила маршрут. Я ехала по городу, и у меня кружилась голова. Огромные рекламные экраны, люди в странной одежде, все уткнувшиеся в свои телефоны.

ны. Я чувствовала себя пришельцем из прошлого. Для всех вокруг был 2024-й, а я всё ещё искала в толпе знакомые вывески из 2014-го.

Клиника нашлась там же, где и была, но она выросла. Стала более пафосной, с отдельным входом из матового стекла и золочеными буквами названия. Я припарковалась, несколько минут просто сидела, вцепившись в руль.

Если я сейчас войду туда, и меня никто не узнает — значит, Виктор прав, и я действительно в бреду. А если узнают...

Входная дверь клиники «МедЭстетик» мягко вздохнула, выпуская меня в пространство, где время всегда измерялось не годами, а ударами сердца. В нос тут же ударил родной, ни с чем не сравнимый коктейль: смесь дорогого парфюма, свежего кофе и того самого едва уловимого запаха антисептика, который для меня всегда был ароматом безопасности.

Я стояла в холле, и у меня кружилась голова. Виктор остался дома — он был уверен, что я сплю под действием его «витаминов». Но я вылила их в раковину. Мне нужна была ясность, а не розовый туман.

— Добрый день, добро пожаловать в... — администратор за стойкой, молоденькая девушка с безупречной улыбкой, осеклась на полуслове. Её глаза округлились. — Анна Павловна? Вы... вы вернулись?

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Здравствуйте, Леночка. Да, я решила заглянуть.

В холле мгновенно стало тихо. Какая-то медсестра в розовом костюме замерла с лотком инструментов. Они смотрели на меня так, будто я была призраком. В их взглядах не было радости — только липкая, неуютная жалость.

— Анечка! Господи, Анька!

Из коридора вылетела Наталья Самойлова. Моя Наташа. Мы дружили тридцать лет, вместе начинали в обычной городской больнице, вместе перешли сюда. Она выглядела старше, чем в моем «вчера». В её медных волосах прибавилось седины, а под глазами залегли глубокие тени.

Она подбежала ко мне, схватила за плечи, и я почувствовала, как её руки дрожат.

— Ты что здесь делаешь? Виктор сказал, что тебе нельзя вставать! Чтоты... что ты еще не совсем...

— Не совсем в уме, Наташ? — я горько усмехнулась. — Как видишь, я доехала сама. Рассказывай. Почему вы все смотрите на меня так, будто я уже умерла?

Наталья побледнела. Она быстро оглянулась на притихших сотрудников и потянула меня за собой в сторону ординаторской.

— Пойдем. Нам нужно поговорить.

В ординаторской пахло кофе и старой бумагой. Наташа закрыла дверь на замок и буквально рухнула в кресло, за-

крыв лицо руками.

— Аня, это безумие. Виктор звонил каждый день. Он сказал, что у тебя амнезия, что ты забыла всё... и что мы ни в коем случае не должны напоминать тебе о... о том, что случилось.

Я села напротив неё, чувствуя, как внутри натягивается струна.

— О чем, Наташ? О банкете в «Облаках»? О том, что я разбилась в свой юбилей? Или о том, почему я вообще сорвалась ночью на дачу?

Наталя подняла на меня глаза, полные слез.

— Ты помнишь?

— Я помню, что было десять лет назад. Я помню нас с тобой. Но я не помню, почему в больнице моё тело содрогалось от прикосновений мужа. Наташа, ты — моя единственная подруга. Скажи мне правду. Я ведь звонила тебе с дачи? Перед тем, как сесть за руль?

Наталя всхлипнула. Она разрывалась между обещанием Виктору и верностью мне.

— Звонила. Ты кричала, Аня. Ты сказала, что он... что он подонок. Что он всё разрушил. Ты хотела собрать вещи и

уехать в Питер к сестре. Я умоляла тебя подождать до утра, не ехать в такой ливень...

— Почему? — я подалась вперед. — Почему я называла его подонком?

Наталя отвела взгляд.

— Аня, я не могу. Виктор сказал, что если я скажу, и у тебя случится рецидив... он уничтожит клинику. Он возомнил себя твоим опекуном. Пожалуйста, не требуй от меня этого сейчас. Тебе нужно окрепнуть.

Я поняла, что не добьюсь от неё большего. Виктор запугал её. Мой «героический пилот» расставил часовых даже здесь, в моей святыне.

— Хорошо, — я встала, чувствуя странную легкость. — Я не буду тебя подставлять. Пойду в свой кабинет, посижу в тишине.

— Твой кабинет теперь... — Наташа запнулась. — Виктор просил его запереть. Но ключи у меня.

Она протянула мне связку. Я взяла их, чувствуя холод металла.

Мой кабинет встретил меня запахом пыли и одиночества. На столе — идеальный порядок. Я села в кресло, в котором провела тысячи часов. Руки сами легли на подлокотники. Здесь я была Доктором. Здесь я была главной.

Я начала механически открывать ящики. Пусто. Пусто. Старые рецепты, ручки, стетоскоп. Но в самом углу вешал-

ки, на которой висел мой рабочий халат, я заметила неровность. Внутренний карман.

Я просунула туда руку и нащупала клочок бумаги. Маленький листок, вырванный из блокнота. Мой почерк. Нервный, размашистый.

«Поговорить с Виктором о рейсе в Бангкок. Кто такая И.? Почему Марина плакала после разговора с ним? Проверить счета на логистику. Слишком много совпадений».

Я смотрела на этот листок, и в голове что-то щелкнуло. «И.». Инна. Та самая фамилия, которую я видела на снимке УЗИ, который «мне причудился».

Я не была сумасшедшей. Я не была больной. Я была женщиной, которая вела расследование собственной жизни. И авария не дала мне его закончить.

Дверь кабинета внезапно распахнулась. На пороге стоял Виктор. Его лицо было бледным, глаза горели нехорошим огнем.

— Аня? Ты что здесь делаешь? — его голос был тихим, но от него веяло угрозой. — Я же просил тебя не выходить. Ты погубишь себя, родная.

Он сделал шаг ко мне, протягивая руку. Но я не пошевелилась. Я сжала листок в кулаке и посмотрела ему прямо в глаза.

— Я просто хотела забрать свой стетоскоп, Витя. Оказывается, я без него как без рук.

Виктор замер. Он окинул взглядом кабинет, проверяя, не нашла ли я чего-то лишнего. Но я улыбалась — той самой доверчивой улыбкой сорокалетней Ани, которую он так старательно культивировал эти две недели.

— Пойдем домой, — сказал он, и в его голосе снова появилась та самая медовая забота. — Наташа сказала, что ты переволновалась. Тебе нужно прилечь.

Я пошла за ним, чувствуя спиной его взгляд. Я знала: охота началась. И теперь я буду играть по его правилам, пока не соберу достаточно улик, чтобы превратить его «идеальный полет» в пепел.

На выходе я столкнулась с мужчиной в синем хирургическом костюме. Он был высоким, с пронзительными серыми глазами. Он посмотрел на меня, потом на Виктора, и его губы тронула странная, горькая усмешка.

— Рад видеть вас в строю, Анна Павловна, — сказал он, игнорируя Виктора. — Нам не хватает вашего здравого смысла. Не задерживайтесь на «больничном».

— Это Илья Миронов, наш хирург, — бросил Виктор, почти силой увлекая меня к выходу. — Не обращай внимания, он всегда был грубияном.

Я обернулась. Илья смотрел мне вслед. В его взгляде не было жалости. Там был вызов. И в этот момент я поняла: в этой клинике есть хотя бы один человек, который не боится Виктора. И мне нужно было вернуться сюда как можно скорее. Чтобы узнать, кто же такая «И.» и почему мой муж так

боится моего «здорового смысла».

Глава 12(Виктор)

(от лица Виктора)

В кабине пилота есть такое понятие — «потеря ситуационной осведомленности». Это когда ты думаешь, что всё под контролем, а на самом деле земля уже несется тебе навстречу, просто ты перестал доверять приборам. Глядя на Анну, сидящую на пассажирском сиденье моего «Мерседеса», я чувствовал, что мой личный горизонт заваливается.

Она прижимала к груди старый ежедневник, словно это был её единственный спасательный плотик в океане лжи, который я так старательно наполнил. Её пальцы, тонкие и бледные, до белизны костяшек вцепились в кожаную обложку. Я видел, как она смотрит в окно на Москву — на эти новые башни, на эстакады, которых не было в её «вчера». Она выглядела испуганной, но в глубине этого испуга я видел сталь. Ту самую врачебную выдержку, которую не смогла раздавить даже береза на подмосковной трассе.

— Аня, — я старался, чтобы мой голос звучал мягко, с той самой долей укоризны, которую использует любящий муж, столкнувшийся с капризом больной жены. — Зачем ты это сделала? Зачем ты поехала на машине? Я чуть с ума не сошел, когда не обнаружил машины на месте. Ты ведь едва стоишь на ногах. Твой мозг еще не восстановил нейронные связи, любая нагрузка сейчас — это риск кровоизлияния. Ты

понимаешь, что ты могла просто упасть в обморок прямо там, в холле?

— Я хотела увидеть свой кабинет, Витя, — она ответила тихо, не поворачивая головы. — Я хотела понять, кто я. Поэтому что дома я чувствую себя... декорацией.

Я сжал руль так, что кожа перчаток скрипнула. Декорацией. Значит, мой идеальный спектакль начинает давать трещины.

— Ты — моя жена, — я выделил каждое слово. — И сейчас твоя главная работа — выздороветь. Ключи от машины я заберу. Твоя реакция сейчас замедлена. Как врач, ты должна понимать: ты опасна на дороге. И для себя, и для окружающих.

Она ничего не ответила. Просто закрыла глаза. Я видел, как дрожат её ресницы. В этот момент мне стало её почти жалко, но страх за собственную шкуру был сильнее. Самойлова. Чёртова Наташа. Она видела Анну. Она могла всё испортить одним словом.

Как только мы вошли в квартиру, я мягко, но настойчиво проводил Анну в спальню.

— Ложись. Я принесу тебе чай и твои таблетки. И, пожалуйста, Аня... не делай больше таких глупостей. Ты не представляешь, что я пережил, когда не нашел тебя в комнате. Моё сердце не железное.

Я дождался, пока она скроется за дверью, и тут же ушел

на кухню. Щелкнул замком двери, ведущей в коридор, и выхватил телефон. Номер Натальи Самойловой был у меня в «быстром наборе» — за эти две недели я звонил ей чаще, чем Инне.

Она взяла трубку на третьем гудке. Голос у неё был заплаканный и злой.

— Виктор? Ты уже забрал её?

— Забрал, — я почти шипел в трубку, понизив голос до минимума. — Наташа, мы о чем договаривались? Какого черта она делала в своем кабинете? Почему ты не позвонила мне сразу, как только увидела её на пороге?

— Она вошла так, будто и не уходила никогда! — Наталья сорвалась на шепот. — Витя, она не овощ. Она всё понимает. Она спросила меня про юбилей, про «Облака»... Она нашла какой-то счет! Что ты ей там наплел, идиот?

— Я спасаю её жизнь! — я ударил кулаком по столешнице, звук получился глухим и угрожающим. — Ты сама слышала нейрохирурга: «Никаких стрессов». Если она узнает правду сейчас — про Инну, про развод, про то, что я ушел — она не выдержит. У неё случится отек, инсульт, что угодно! Ты хочешь быть виноватой в смерти подруги?

— Я не хочу ей врать, Витя... — всхлипнула она.

— Тогда молчи. Это не вранье, это — терапия. Слушай меня внимательно, Самойлова. Если я еще раз узнаю, что она была в клинике, или если ты ответишь на её звонок и нач-

нешь нести свою правдивую ересь — я уничтожу твоё заведение. Я знаю про ваши «чёрные» закупки препаратов через эту логистическую контору. Помнишь, как ты просила меня помочь с таможенной? У меня все документы в сейфе. Один звонок в прокуратуру — и «МедЭстетик» закроют за неделю, а тебя лишат лицензии. Поняла?

В трубке повисла тяжёлая, ватная тишина. Я чувствовал, как Наташа борется с тошнотой.

— Ты чудовище, Витя. Ты всегда им был, просто Аня этого не видела за твоими золотыми крылышками.

— Я мужчина, который защищает свой мир. Обеспечь Анне «режим тишины». Если она позвонит — скажи, что уезжаешь на конференцию. Исчезни для неё на месяц. Это приказ, Наташа.

Я сбросил вызов. Руки слегка подрагивали, но это был азарт охотника, а не страх. Я заблокировал её номер в телефоне Анны, пока та спала в больнице, но сегодня она была в клинике лично. Нужно быть осторожнее.

Я сел за стол, открыл ноутбук. Перед глазами стояли графики и цифры, но я не мог сосредоточиться. Вибрация телефона на столе заставила меня вздрогнуть. Сообщение. От Инны.

Я открыл его и почувствовал, как в желудке ворочается холодный ком. Это была фотография. Снимок экрана с сайта элитного детского бутика. Кроватька из массива ореха, руч-

ная работа, балдахин из натурального шелка. И цена. Пятьсот восемьдесят тысяч рублей.

«Заказала нашему львенку лучшее. Бронь держится три часа. Витя, не позорься, оплати сейчас, я не хочу, чтобы мой сын спал в фанере из Икеи. И не забудь, завтра крайний срок по аренде квартиры. Хозяин нервничает».

Я закрыл лицо руками. Черт возьми.

За эти три года я привык, что Инна — это дорого. Но сейчас, когда мой основной источник дохода — счета Анны — оказался заблокирован её амнезией, я начал чувствовать дно. Моя пенсия пилота первого класса была огромной по меркам обычного обывателя, но для Инны это были «деньги на шпильки».

Я открыл банковское приложение. Остатки на моих личных картах стремительно таяли. Две квартиры, содержание Инны, лекарства для Анны, продукты... Чтобы оплатить эту чертову кроватку и аренду, мне нужно было залезть в «неприкосновенный запас». В те деньги, которые Анна откладывала на обучение Кирилла в магистратуре или на нашу общую старость.

Но счета были оформлены на неё.

В 2014-м, в котором она сейчас жила, у нас был «общий котел», но фактически управляла им она. Я был капитаном в небе, но на земле она была моим главным казначеем.

— Доверенность, — прошептал я. — Мне нужна генеральная доверенность.

Если я убежу её, что сейчас — время финансового кризиса и ей не стоит волноваться о делах, она подпишет всё. Она всегда мне верила. В 2014-м она смотрела на меня как на полубога.

Я встал и подошел к нашему домашнему сейфу, спрятанному за картиной в кабинете. Код я знал — дата нашей свадьбы. Нажал кнопки, механизм сухо щелкнул. Дверца открылась.

Я искал папку с документами на дачу и её банковские договоры. Там же должен был лежать ключ от банковской ячейки.

Пусто.

В сейфе лежали мои документы, старое золото, которое мы не носили, и пачки налички на текущие расходы. Но главных документов — тех, что давали право распоряжаться её имуществом — не было.

Я начал лихорадочно перерывать полки. Где они? Она не могла их выбросить. Анна — педант. Каждая бумажка у неё всегда была в идеальном порядке.

«Почерк правды», — вспомнил я фразу из её ежедневника.

Неужели она перепрятала их перед аварией? Может она

увезла их на дачу, после того как я ей сказал правду после юбилея?

Я захлопнул сейф. Пот катился по моей спине. Мой «периметр контроля» сжимался. С одной стороны — Инна, которая высасывала из меня ресурсы и грозила прийти в клинику. С другой — Анна, которая, несмотря на стертую память, интуитивно искала выход из моей клетки.

Мне нужно было найти эти бумаги. И мне нужно было заставить её подписать бумаги завтра же.

Я подошел к зеркалу в прихожей, поправил воротник. Лицо пилота. Спокойное, уверенное.

— Всё под контролем, Виктор Павлович, — сказал я своему отражению. — Просто еще один сложный заход на посадку.

Я взял поднос, поставил на него чашку чая и две таблетки «успокоительного» — на самом деле просто легкого снотворного, чтобы она побольше спала и поменьше думала.

Я вошел в спальню. Анна сидела на кровати, листая свой ежедневник. Она подняла на меня глаза, и в них я увидел ту самую Анну, которую любил когда-то — доверчивую и преданную.

— Витя, — сказала она, и моё сердце на секунду пропустило удар. — Я тут нашла запись... Ты говорил, что мы были счастливы все эти годы. Но почему в моем календаре на прошлый месяц почти нет наших общих вечеров? Только

твои «советы ветеранов» и мои дежурства. Мы... мы разве отделились друг от друга?

Я сел на край кровати, протягивая ей чай.

— Мы просто стали мудрее, родная. Любовь в пятьдесят — это не танцы до утра, это когда ты знаешь, что человек рядом, даже если он занят делами. Пей. Тебе нужно отдохнуть. Завтра придет наш юрист, нужно будет оформить страховку по машине. Помнишь, ту белую красавицу? Она в хлам, Анечка. Нужно восстанавливать документы.

Она послушно взяла чашку.

— Хорошо, Витя. Ты прав. Я просто... я просто очень устала.

Я смотрел, как она пьет, и чувствовал, как внутри меня растет холодная, расчетливая решимость. Я получу эту подпись. Я оплачу Инне её кроватку. Я сохраню свою иллюзию. И если для этого мне придется окончательно превратить Анну в тень самой себя — я это сделаю.

Потому что в моем небе нет места для двоих капитанов. Только я. Только мой курс. И пусть земля горит под ногами — я всё еще в полете.

Глава 13

Медикаментозный туман накатывает не сразу. Сначала он смазывает углы комнаты, делает звуки ватными, а потом медленно, как тяжелый бархатный занавес, опускается на сознание. Я сидела на краю кровати, зажав между большим и указательным пальцами крошечную белую таблетку.

Виктор ушел полчаса назад. Он поцеловал меня в лоб, оставил на прикроватной тумбочке стакан воды и аккуратную стопку бумаг. «Это формальность по страховке, Анечка. И доверенность на управление нашими счетами. Ты же знаешь, я хочу переложить твои вклады под лучший процент, пока ты восстанавливаешься. Подпиши, где галочки, чтобы я не дергал тебя, когда приедет курьер», — сказал он своим самым бархатным голосом.

Я поднесла таблетку к лицу. Мой мозг, запертый в иллюзии четырнадцатого года, мог не помнить лиц и дат, но фармакологию я знала как алфавит. На таблетке не было риски для деления, зато была характерная гравировка. Это был не антидепрессант, который он мне подсовывал раньше. Это был препарат, который дают пациентам перед тяжелыми операциями, чтобы подавить волю и снизить уровень тревожности до абсолютного нуля.

Я подошла к раковине и бросила таблетку в слив. Пустила холодную воду, наблюдая, как белый кругляш растворяется,

превращаясь в мутную пену.

Мой муж химически связывал мне руки. Он хотел, чтобы я была удобной, сонной и покорной. Чтобы я не задавала вопросов о разорванной фотографии стюардессы в его корзине. И чтобы я просто ставила подписи на документах, отдавая ему доступ к деньгам, которые мы копили на магистратуру Кирилла и нашу старость.

Я вернулась в спальню, оделась — выбрала простые джинсы и кашемировый свитер, которые нашли отклик в моей памяти, — и вышла из квартиры. Мне нужен был свежий воздух. Мне нужно было место, где ничто не пахнет Виктором и его ложью.

Осенний парк недалеко от нашего дома встретил меня пронзительной сыростью и запахом прелой листвы. Я шла по аллее, чувствуя, как с каждым шагом голова становится яснее. Я села на скамейку у небольшого пруда, достала из кармана сложенный листок — мою вчерашнюю находку из кармана рабочего халата.

«Поговорить с Виктором о рейсе в Бангкок. Кто такая И.? Проверить движение по нашим семейным счетам. Слишком много снимает наличными».

Я смотрела на свои собственные нервные буквы. Что произошло перед моим юбилеем? Какую правду я узнала, что решила написать это?

— Слишком холодный день, чтобы сидеть на дереве, Анна Павловна. Застудите почки, а нам в отделении нужен здо-

ровый начмед.

Голос прозвучал неожиданно, но в нем не было угрозы. Я вздрогнула и подняла глаза.

Передо мной стоял мужчина. Тот самый, с которым я столкнулась вчера в коридоре клиники. На нем было темно-серое пальто и кашне крупной вязки. В дневном свете я смогла рассмотреть его лучше. Ему было около пятидесяти. Глубокие морщины у глаз выдавали человека, который часто смеется или много щурится под светом операционных ламп. Глаза были серыми, пронзительными, как скальпель, но сейчас в них не было холодности. Только внимательное, цепкое изучение.

— Доктор Миронов, кажется? — я инстинктивно выпрямила спину. — Вы следите за мной?

Он усмехнулся, сядя на скамейку рядом, но оставив между нами достаточное расстояние, чтобы не нарушать мои личные границы.

— Живу в двух кварталах отсюда. Бегаю здесь по утрам. А вот что вы делаете одна, в таком состоянии, вдали от своего... бдительного стража?

Слово «страж» кольнуло меня.

— Мой муж по делам. А мне захотелось кофе.

Илья Миронов достал из кармана пальто два бумажных стаканчика в картонной подставке. От них исходил потряса-

ющий аромат настоящего, крепкого эспresso.

— Я так и подумал. Держите. Без сахара, чуть-чуть корицы. Как вы любите.

Я замерла, не решаясь взять стаканчик.

— Откуда вы знаете, как я люблю?

Мионов посмотрел на меня. В его взгляде на секунду мелькнула боль, но он быстро спрятал её за профессиональной иронией.

— Анна Павловна, мы работаем бок о бок пять лет. Мы провели вместе сорок две совместные операции. Я знаю, как вы пьете кофе, знаю, что вы ненавидите, когда медсестры болтают во время зашивания, и знаю, что вы морщите нос, когда вам лгут. Прямо как сейчас.

Я взяла кофе. Мои пальцы случайно коснулись его руки.

В этот момент я ждала привычного удара. Того самого спазма в желудке, той ледяной волны отторжения, которая накрывала меня каждый раз, когда до меня дотрагивался Виктор.

Но ничего не произошло.

Наоборот. Прикосновение было теплым, сухим и удивительно... заземляющим. Моё тело, измученное стрессом и

фантомными болями, вдруг расслабилось. Я посмотрела на его руки — руки хирурга, с короткими ногтями и сильными пальцами. В них была надежность, в которой не было ни капли фальши.

— Пять лет... — тихо повторила я. — Значит, вы появились в моей жизни после того, как моя память оборвалась. Для меня вас не существует, Илья. Простите.

Он сделал глоток из своего стакана и устремил взгляд на свинцовую воду пруда.

— Я знаю. Виктор Павлович вчера очень красноречиво объяснил нам по телефону, что ваша память застряла в четырнадцатом году. Он требовал, чтобы мы не пускали вас на порог клиники. Грозил судами.

— Он боится за мое здоровье.

— Он боится за свою шкуру, Аня.

Я резко повернулась к нему. Никто не называл меня так запросто, кроме мужа. Но из уст Миронова это прозвучало не как фамильярность, а как призыв к пробуждению.

— Не смейте так говорить о моем муже. Вы ничего не знаете о нашей семье.

Илья повернулся ко мне. В его серых глазах горел огонь, который заставил меня вжаться в спинку скамейки. Он не жалел меня. Он не смотрел на меня как на хрустальную вазу с трещиной. Он смотрел на меня как на равную, которая почему-то решила сдаться без боя.

— Я знаю достаточно. Вы приехали в клинику после вашего юбилея. Я видел ваши глаза, Анна Павловна. Вы были похожи на человека, который только что узнал дату конца света. Вы пришли ко мне в ординаторскую. Сами.

У меня перехватило дыхание. Кофе в стаканчике дрогнул, едва не выплеснувшись на джинсы.

— Я пришла к вам? Зачем?

Илья подался вперед, опираясь локтями о колени.

— Потому что мы были... друзьями. Вы доверяли мне больше, чем Наталье, потому что Наталья слишком мягкая, а вам нужен был кто-то, кто не будет гладить по голове.

— И что я вам сказала? — мой голос упал до шепота. Я боялась услышать ответ, но жаждала его больше всего на свете.

Илья внимательно посмотрел на мое лицо, словно взвешивая, выдержу ли я этот удар. Затем он произнес слова, которые окончательно разрушили несущие конструкции моего выдуманного мира:

— Вы положили мне на стол заявление на отпуск с последующим увольнением. Вы были бледной, как мел. Вы сказали: «Илья, прикрой меня на ближайшие две недели. Моя семейная жизнь оказалась грязной ложью. Виктор выводит наши сбережения со счетов, и я собираюсь подать на развод, пока он не оставил нас с детьми без копейки». Сказали, что

поедете на дачу, что Вам нужно побыть одной и все обдумать.

Я смотрела на него, не в силах вдохнуть. Увольнение? Развод? Вывод денег?

— Вы всё ещё собираетесь увольняться, как планировали в день своего юбилея? — Илья задал этот вопрос спокойно, но он прозвучал как выстрел.

— Я... я не помню, — я обхватила голову руками, чувствуя, как под черепом взрываются сверхновые. — Я ничего этого не помню! Я нашла сегодня утром бумаги, которые Виктор оставил мне на подпись. Это генеральная доверенность на управление моими вкладами. Он сказал, что это для перевода денег под лучший процент.

Миронов грязно выругался сквозь зубы. Его рука легла мне на плечо — жестко, уверенно. И снова моё тело ответило абсолютным спокойствием, принимая эту поддержку как жизненно необходимую опору.

— Не смейте ничего подписывать. Слышите меня? Ни единой бумажки. Ваш муж — трус, который пытается воспользоваться аварией, чтобы обобрать вас. Если вы подали бы на развод тогда, он остался бы ни с чем, потому что дача и основные счета оформлены на вас. А сейчас вы — удобная, беспамятная мишень. Он просто переведет деньги на себя, пока вы пьете его таблетки.

— Но зачем? Зачем ему это? — слезы всё-таки прорвались, обжигая холодные щеки. — У нас было всё. Я нашла разорванную фотографию... Он и какая-то стюардесса.

Илья, что он натворил?

Миронов достал из кармана чистый бумажный платок и вложил мне в руку.

— Я не знаю деталей про стюардессу, Аня. Вы не успели мне рассказать. Вы уехали на дачу, а через три дня ваша машина улетела в кювет. Но я знаю вас. Вы бы не стали рушить свою жизнь из-за мелочи или легких подозрений. У вас были доказательства.

Я вытерла лицо, чувствуя, как внутри зарождается что-то новое. Вместо отчаяния приходила кристальная, хирургическая злость. Виктор травил меня таблетками. Виктор лгал мне про тихий праздник. Виктор пытался украсть наши сбережения, пока я была дезориентирована. И он содержал на эти деньги женщину, чье лицо он так старательно оторвал от фотографии.

Я посмотрела на Илью. Этот мужчина из «выпавшего» времени сидел рядом, и его присутствие давало мне силы, о которых я уже забыла.

— Анна Павловна, — Илья заглянул мне в глаза, и его голос прозвучал как окончательный диагноз. — Вы либо великая актриса, которая зачем-то подыгрывает этому мерзавцу, либо вас заперли в очень качественной клетке. Очнитесь. Ваша память может спать, но ваш интеллект никуда не делся. Включайте голову. Иначе он вас уничтожит.

Он встал, поправил воротник пальто.

— Если вам понадобится помощь — позвоните. Мой номер есть в рабочем справочнике клиники. И, Аня... — он на секунду замялся, и в его суровом лице проступила такая уязвимая нежность, что моё сердце дрогнуло. — Возвращайтесь. Нам вас не хватает.

Он развернулся и пошел по аллее, растворяясь в осенней дымке.

Я осталась сидеть на скамейке. В руках остывал кофе, купленный мужчиной, которого я не помнила, но которому почему-то доверяла больше, чем человеку, с которым прожила четверть века.

Я посмотрела на часы. Виктор скоро вернется. Он будет ждать свою покорную, одурманенную таблетками жену, чтобы подsunуть ей ручку и договор.

Я встала. Выбросила стаканчик в урну. Расправила плечи.

Клетка была качественной, Илья был прав. Прутья из заботы, замки из медицинской лжи. Но Виктор забыл одну важную вещь.

Врач, привыкший ежедневно бороться за чужие жизни, никогда не отдаст свою собственную без боя.

Я шла к дому, и мой шаг становился всё тверже. Я больше не искала 2014-й год. Я была в 2024-м. И я собиралась устроить своему мужу такую турбулентность, из которой он не выведет свой самолет даже на ручном управлении.

Глава 14

В квартире пахло розмарином, запеченным мясом и хорошим вином. В моем «четырнадцатом году» этот запах означал, что Виктор празднует удачный рейс или пытается загладить вину за забытую годовщину. Я закрыла за собой дверь, повесила пальто и прислушалась.

— Анечка? Ты дома? — голос Виктора донесся из кухни. Бархатный, глубокий, с той самой заботливой хрипотцой, от которой у меня раньше сладко замирало сердце. Сейчас же этот звук вызвал лишь холодок вдоль позвоночника.

Он вышел в коридор, вытирая руки полотенцем. На нем б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.